

КАК БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ В ХХІ ВЕКЕ?

ХРИСТИАНСТВО. НАСТОЯЩЕЕ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

PRO религию

Андрей Десницкий

Христианство. Настоящее

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 27
ББК 86.37

Десницкий А. С.

Христианство. Настоящее / А. С. Десницкий — «РИПОЛ
Классик», 2019 — (PRO религию)

Что значит быть христианином сегодня, в России XXI века? На каком языке рассказать о евангельской Истине и как жить с ней в мире, где всё так изменилось? Можно играть в реконструкторство, можно погружаться в мир собственных фантазий, но как встретиться с реальностью, как понять ее? Или на самом деле все перемены за две тысячи лет были внешними, а главное осталось неизменным? Но как тогда распознать его? Эта книга – поиск ответов на эти вопросы. Андрей Сергеевич Десницкий – российский филолог-библеист, переводчик, писатель, публицист. Доктор наук, профессор РАН, сотрудник Института востоковедения РАН, автор десятка книг и множества публикаций, отец троих детей и дед троих внуков. Его основная специализация – библейский перевод, во многих проектах он участвовал как переводчик, редактор или консультант. Но, говоря о современных изданиях Библии на разных языках, естественно начать разговор и о жизни тех, кто ее читает, – христиан XXI века. Им и посвящена эта книга.

УДК 27
ББК 86.37

© Десницкий А. С., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Предисловие	5
Приключения библии в России	7
1. Поп Упырь Лихой	8
2. Апракос Остромира	11
3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван	14
4. Нужна ли Библия на русском?	17
5. Библейское общество и кирпичный завод	19
6. Синод и Библия	22
7. Толстой, Победоносцев и другие	25
8. Время самоучек	28
9. Притчи и розги	33
10. Зло или злой?	37
11. Прислушиваясь к апостолу	41
В поисках главного	45
12. Глас хлада тонка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Десницкий

Христианство. Настоящее

(Россия, XXI век)

Предисловие

В далекой юности двадцать первый век, третье тысячелетие казались чем-то немыслимо далеким, почти невозможным. Фантастические рассказы сообщали нам, что в это время человечество будет покорять дальний космос, при этом предполагалось, что войны постепенно отойдут в прошлое, а с ними, кстати, и религиозные предрассудки. Коммунизм если не будет полностью построен, то станет конечно же намного ближе.

Реальность оказалась совсем другой – достаточно сказать, что никто из фантастов не предугадал Интернета. Человек не добрался пока даже до Марса, но зато он может за доли секунды связываться с другими людьми на всех континентах. А миры братьев Стругацких устарились раньше, чем состоялись, – это были надежды шестидесятых, прекрасные и в чем-то наивные.

Зато сбылось другое, о чем не могли и мечтать лет тридцать – сорок назад русские христиане – Россия вновь стала христианской страной. Или не стала? Или это возвращение веры оказалось скорее внешним и в нем куда больше идеологии, чем Евангелия? И если так, что мы можем сделать с этим?

Когда-то советский человек мечтал о светлом будущем, теперь человек православный – о светлом прошлом. Но какое оно, наше настоящее? Да и настоящее ли оно?

Эта книга – попытка оглядеться, понять, где мы находимся и куда идем. В нее в основном включены в переработанном виде статьи, опубликованные в разных изданиях, в основном сетевых («Православие и мир», «Гефтер», «Слон», «Фома» и другие). Часть материалов была написана заново, но это в любом случае цельная книга, и если тематика ее разнообразна, то лишь потому, что такой сложный предмет, как жизнь христиан в XXI веке, невозможно обсуждать плоско и одномерно.

Мы будем говорить прежде всего о христианстве русской православной традиции, не ограничиваясь ни национальностью, ни гражданством, ни местом проживания. Те, кому дороги русская культура и православное Предание, найдут здесь много интересного, но, пожалуй, и много спорного. Эта книга не апология русского православия, а скорее взгляд изнутри на его проблемы. Впрочем, они не такие уж и уникальные, и похожее смогут сказать о себе и русские протестанты, и зарубежные католики, и вообще все, кто всерьез задумывается о сути и формах христианской жизни в начале третьего тысячелетия.

Чтобы понять настоящее, стоит взглянуть на прошлое, и потому *первая часть* этой книги – рассказ о Библии на Руси и в России. Кажется, что Библия в нашей стране была всегда. Но... какая? Церковнославянская или русская? А в какой именно редакции и в чьем переводе? Неужели она не одна, русская Библия? И возникла не сразу – может ли такое быть? И можно ли понять историю нашей страны, не зная, как именно люди знакомились с самым главным для нашей культуры текстом? Как он жил, развивался, менялся, то широко распространялся, то попадал под запрет?

По приключениям Библии в России можно изучать особенности нашей истории, культуры и религиозной жизни и писать об этом романы. В этой серии очерков я собрал лишь некоторые наиболее интересные факты и поделился собственным опытом.

Вторая часть посвящена настоящему времени, в ней говорится о поисках главных смыслов, который ведут наши современники-христиане. Как нам говорить о спасении и что оно вообще означает? Насколько абсолютен тот язык, на котором возвещалось христианское Откровение два тысячелетия назад, и что нам делать, если мы приходим к выводу, что сегодня многие вещи могут быть сформулированы иначе? Отчего христианская вера сегодня (как, впрочем, и всегда) часто подменяется модной идеологией, как распознать подобные подмены и избавиться от них?

В книге мало окончательных выводов, скорее здесь вы встретите гипотезы, зачастую, наверно, ошибочные. Но если эти разговоры кому-то помогут уточнить или сформулировать собственную точку зрения, задачу автора можно считать выполненной.

Третья часть называется «Иное тысячелетие», она говорит о будущем, точнее, о тех актуальных задачах, которые мы видим перед собой сегодня. У русских христиан нашего времени есть искушение спрятаться от неуютного XXI века в искусственном подобии века XIX, но это просто не получится, вызовы времени придется принимать и отвечать на них. Как это можно сделать? И в чем, опять-таки, опасность ухода от этих вызовов, чем заполняется «свято место», если мы оставляем его пустым?

Стоит предупредить, что это издание – не научный труд, я принципиально отказался от ссылок (большинство из них пришлось бы делать на материалы в Интернете) и библиографии, чтобы облегчить восприятие. Если какой-то цитируемый материал вас заинтересовал, вы легко найдете его полный текст, введя цитату в поисковик. К тому же большинство приведенных здесь фактов и высказываний вовсе не оригинальны – такие вещи обычно носят в воздухе и обсуждаются на стогах града, а на них точную ссылку не дашь.

В заключение я должен поблагодарить всех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги, а прежде всего мою замечательную семью (жену Асю, детей Аню, Дашу и Сережу) и прекрасных друзей, с которыми обсуждались многие вопросы, а также всех моих собеседников в Интернете, которым хватило терпения и интереса для подобных разговоров.

Свои отзывы вы можете отправить по адресу:
a.desnitsky@gmail.com.

Память свв. апостолов Петра и Павла (12 июля) 2016 года, Янов-над-Нисой.

Приключения библии в России

Есть у книг свои судьбы (*habent sua fata libelli*) – это знали уже древние. Но когда эти судьбы обсуждают, обычно говорят, как книга писалась, редактировалась, издавалась. О создании Библии написаны тома, мы коснемся этого вопроса в 19-й главе.

Но когда книга окончательно сложилась как единый текст, это не конец, а скорее начало ее истории. И в ней отражается жизнь народов, обществ и государств, где эту книгу издают, читают, переводят – или не читают и не переводят, или делают это тайком, или сначала переводят, а потом сжигают перевод...

Такова история Библии в России. История нашего христианства, нашей книжности, нашей культуры и даже – куда от нее деться – нашей внутренней политики. А заодно наших отношений с остальным христианским миром и с самими собой. Приключения Библии в России – перед вами!

1. Поп Упырь Лихой

Именно это имя – первое, которое достоверно известно в истории Библии на Руси. И это не вымышленный персонаж антиклерикальных пасквилей, он сам так подписывался. Еще, точнее, подписывался он по-древнерусски: «Азь попь Оупирь Лихый». Очевидно, таково было его мирское имя вместе с прозвищем. Вполне возможно, был он родом из Швеции, где на рунических камнях встречается имя резчика Upir Ofeigr, Упир Неробкий. Может быть, так и перевели это имя на язык наших предков – Упырь Лихой?

В любом случае, жил Упырь в Новгороде в XI в. и был не только священником, но и переписчиком библейских книг, вернее, занимался их перекодированием с кириллицы на... кириллицу.

Надеюсь, уже достаточно запутал и заинтриговал читателя, чтобы начать распутывать этот клубок.

Как представляет себе происхождение церковнославянской Библии обычный человек? Ну примерно так: святые Кирилл и Мефодий, первые славянские книжники, придумали нашу азбуку, а потом взяли и перевели Библию на свой язык, и с тех пор она у нас есть. Только подобное утверждение будет неверно буквально в каждом слове.

Во-первых, братьев звали Константин и Мефодий, имя Кирилл старший из них принял при пострижении в схиму накануне смерти. Братья сами были не славянами, а византийскими греками и происходили из Салоник, где было много славян и все знали славянский диалект предков нынешних болгар – их потомки так и называют тот язык «древнеболгарским», и не без оснований.

Наши предки уже тогда говорили на несколько ином языке, который сегодня принято называть древнерусским. Они произносили: «горожанин, волость, один», а на Балканах говорили: «гражданин, власть, един». В русский язык, как нетрудно заметить, нередко входили и те и другие слова, причем в разных значениях. Обычно церковнославянизмы (балканский вариант) имели более торжественное значение, и, как давно отметили слависты, лозунг «Да здравствует советская власть» состоит из них целиком и полностью. На языке наших предков, древнерусском, желали бы не власти здравствовать, а волости быть здоровой.

Несколько различалась и грамматика: так, форма «лихой» – русская, северная, а вот «лихий» – балканская, южная. Почему же новгородец (и, возможно, варяг) Упырь подписывался на балканский лад? Да потому что был книжником. Книжным языком еще долго оставался именно старославянский с его болгарскими формами. До сих пор в языке соседствуют торжественное «великий» (-ий на южный лад) и обыденное «большой» (-ой на северный). Еще у М. В. Ломоносова эти различия в окончаниях прилагательных служили признаком высокого или низкого «штиля».

Далее, всей Библии на славянский язык Константин-Кирилл с Мефодием не перевели. Они начали работу с евангельских текстов, которые читались за литургией, потом добавили к ним другие необходимые для богослужения отрывки, ведь им было нужно не книги печатать, а начать богослужение на природном языке славян. Еще при их жизни им помогали «попы-скорписцы», как называет их житие, и работа, несомненно, продолжилась и после их смерти – слишком много надо было перевести, а кое-что из уже переведенного исправить за «скорписцами». Очевидно, Упырь был одним из тех, кто этим занимался.

Да, но что там насчет перекодирования? Как отмечал он сам, переписывал он книги «искоуриловицѣ», то есть с кириллицы. В какую же другую кодировку? Да тоже в кириллическую. Но KOI-8 или Windows-1251 тут совершенно ни при чем. Кириллицей, как нетрудно догадаться, называли азбуку, изначально созданную Константином-Кириллом и Мефодием. И она не имеет никакого отношения к алфавиту, которым мы пишем сегодня.

В настоящее время ученые согласны, что изобретением солунских братьев стала азбука, называемая глаголицей – туристы, посещающие Хорватию, встречаются там в изобилии сувениры с глаголическими надписями, тем более, что глаголические книги использовались для богослужения вплоть до недавнего времени на хорватском острове Крк. Как и создатели грузинского и армянского алфавитов, солунские братья придумали совершенно новые начертания букв, состоящие в основном из кружков, ломаных линий и треугольников. Сейчас их могут прочесть только специалисты.

Откуда же взялся тот алфавит, который мы называем кириллицей сегодня? Точно не известно, но зато понятно, для чего он был изобретен. Зачем придумывать новые буквы, когда в существующих алфавитах их и так уже хватало? Славянские книги переводили с греческого, так что было вполне естественно взять для них греческий алфавит, добавив особые буквы для передачи звуков, существовавших только у славян. Две буквы заимствовали и вовсе у евреев: это Ш (ср. ש) и Ц (ср. צ). Вот Упырь и переписывал рукописи на глаголице на новый лад.

Осталась последняя загадка про Упыря Лихого. Если он действительно шведский руно-резчик Упир Неробкий, почему в Новгороде он не служил в княжеской дружине, как все поря- дочные варяги, а занимался книжным делом? Конечно, нам его биография не открыта, но одна догадка все же есть...

Не известно, была ли у славян письменность до Константина-Кирилла и Мефодия. В разных источниках встречаются упоминания каких-то знаковых систем, например, в X веке болгарский черноризец Храбр сообщал, что прежде славяне пользовались некими «чертами и резами». Совершенно не обязательно это был алфавит в нашем понимании, скорее некая система условных знаков, например, родовых клейм, которыми метили скот и прочее имущество.

Но вот в житии тех самых Константина и Мефодия говорится, что еще прежде славянской миссии Константин нашел в Херсонесе Таврическом (нынешний Севастополь) «Евангеліе и Псалтирь роусьскими письмены писана». А это уже означает наличие полноценной системы письменности, на которой можно создавать самые сложные тексты.

Да, но что такое «русские письмена»? Русью в те времена называли в основном варягов, распространена гипотеза, что само это слово происходит от древнескандинавского корня гор- со значением «гresti веслами». Возможно, так называли отряды викингов, поднимавшихся на своих судах по рекам в славянских землях. Так это или не так, мы не знаем, но вдруг... речь действительно идет о неких скандинавских письменах, которые использовались в том числе и славянами? В Скандинавии к тому моменту уже давно было свое руническое письмо, варяги со славянами тесно общались, и один из них – к примеру, тот же Упир Неробкий – вполне мог осесть в Новгороде, чтобы заниматься своей основной работой: переписыванием текстов. Изучил постепенно славянский язык и две его азбуки...

К сожалению, всё это чистейшей воды домыслы и проверить их при нынешних данных у нас никакой возможности нет.

Да, а откуда мы вообще знаем про попа Упыря Лихого? Из небольшой приписки, сделанной им в конце собственной рукописи с ветхозаветными пророчествами: «Слава тебѣ Г(оспод)и Ц(а)рю небесный, яко сподоби мя написати книги си ис коуриловицѣ кн(я)зю Влодимиру Новѣгородѣ княжащю сынови Ярославлю болшему. Почахъ же ѣ писати в лѣто 6555 м(е)с(я)ца мая 14. А кончах того же лѣта м(е)с(я) ца декабря въ 19. Азъ попъ Оупиръ Лихый. Тѣмъже молю всѣхъ прочитати пророчество се. Велика бо чюдеса написаша намъ сии пророци в сихъ книгахъ. Здоровъ же княже буди въ вѣкъ живи, но обача писавшаго не забывай». Датировка от сотворения мира соответствует 1047 году по нашему летоисчислению.

Что интересно, сама рукопись Упыря до нас не дошла, как это часто происходит с древними рукописями, его имя просто осталось в рукописях более позднего времени. Но

писавшего мы действительно не забыли, как и просил древнерусский книжник поп Упырь Лихой.

2. Апракос Остромира

Если Упырь был первым переписчиком, чье имя мы знаем, то первым известным нам спонсором или заказчиком книжной продукции на Руси был новгородский посадник (говоря нынешним языком – мэр Новгорода) по имени Остромир.

Его имя известно нам из приписки в конце книги XI в. от имени переписчика, диакона Григория: «Написахъ же еу(ан) г(е)ліе се рабоу Б(о)жию нареченоу сушоу въ кр(е)щении Иосифъ а мирьскы Остромирь». Как и в случае с Упырем Лихим, книга была создана в северной столице Древней Руси.

Примечательно, что сохранилось в истории именно «мирское», то есть природно-славянское его имя. Впрочем, так же было и с князьями: Владимир Мономах был в крещении Василием, а Ярослав Мудрый – Георгием, но кто узнает их под этими именами? Тогда было принято брать при крещении церковное имя из святцев, а в быту пользоваться прежним, славянским. И даже первые канонизированные русские святые, братья Борис и Глеб, вошли в святцы с родными, а не крестильными именами – в крещении их звали Роман и Давид.

В чем-то ситуация походит на современное использование ников и всяческих прозвищ: официальное имя у человека есть, но знают его все под другим прозвищем. Заметим, что у балканских славян и по сю пору в ходу славянские имена, и даже в храме во время литургии у сербов слышишь, к примеру, как причащаются Драган или Милица.

В скобках стоит заметить, что сама возможность использовать в церкви славянский язык стала в свое время предметом острой полемики среди христиан. Еще при жизни св. Константина-Кирилла и Мефодия против этого возражали немецкие епископы. С их точки зрения, выразить Божественную истину или обратиться к Господу с молитвой можно было только на трех языках, на которых написана табличка на Христовом распятии: еврейском, греческом и латинском.

Тогда солунским братьям пришлось прибегнуть к авторитету римского папы, чтобы эта точка зрения была объявлена «ересью триязычников». Было официально решено, что любой язык может использоваться в проповеди и богослужении. Всё переменялось с тех пор: Рим и Константинополь утратили общение, в Риме долгие века служили только на латыни и возражали против переводов Библии на народные языки, а вот почитатели славянского текста... Многие из них сегодня придерживаются своего рода «четырёхязычной ереси»: к трем священным языкам они добавили четвертый, самый-самый священный, славянский, и считают невозможным молитву на русском. Так почитатели трудов Кирилла и Мефодия, по сути, выражают полную солидарность с их противниками.

Впрочем, мы отвлеклись от Остромира и его Евангелия. А каким оно, кстати, было? От Матфея, Марка, Луки, Иоанна? Да от всех понемногу. Это было Евангелие-апракос – так называли сборники евангельских текстов, читаемых за богослужением по воскресным и праздничным дням (отсюда и название «апракос», буквально «недельное», для тех дней, когда не делается никакая работа). Тексты идут не в каноническом порядке, а в соответствии с богослужебным календарем, начиная с Пасхи.

Зачем же посаднику Остромиру такой сборник богослужебных чтений? Чтобы заранее прочитывать евангельский отрывок до того, как он придет на службу? Вовсе нет. Грамотных было мало, книги были дороги, и держать дома собственную копию пусть даже самой главной библейской книги, Евангелия, не могли себе позволить и состоятельные люди... или, вернее, не считали нужным. Зачем, если этот текст и так прочитывается за богослужением? Единственное разумное назначение для такой книги – пожертвовать ее храму или монастырю, что, очевидно, и было сделано в данном случае, «на утешение многим душам христианским», как гласит та самая надпись в конце книги.

Евангелие и вообще Писание было для наших предков не книгой, стоящей на полке, а книгой, читаемой и толкуемой в церкви. Но как же научить самих проповедников и толкователей? Для них существовали еще и толковые (комментированные) тексты, где собственно библейские цитаты сопровождались пояснениями из Святых Отцов. Например, Откровение Иоанна Богослова, которое за богослужением не услышишь, наши предки читали в основном в толковании св. Андрея Кесарийского. Интересно, что при этом никто никогда не пытался привести к единообразию различные версии библейского текста: толкования переводили заново или переписывали вместе с библейскими цитатами и не проверяли при этом, так ли выглядят эти цитаты в других изданиях, тех же богослужебных. Текст существовал одновременно в разных вариантах, каждый использовался для своих целей.

Более того, изменялся со временем и сам церковнославянский текст. Можно предположить, что, если бы Кирилл и Мефодий побывали на нашем богослужении, они поняли бы далеко не всё из прочитанного, особенно в нашем произношении. Буква ять (ѣ) в России читается как Е, а на западе Украины – как И, в Южной Сербии и Черногории ее могут прочитать и вовсе как дифтонг ИЕ, в соответствии с тем, какие звуки возникли на месте этого славянского звука в соответствующих языках: у нас «девушка на речке», на Украине «дівчина на річці», в Южной Сербии, Боснии и Черногории «дјевојка на ријечи». Некогда писалось: «дѣва на рѣцѣ», – но уже тогда разные славяне могли произносить эти слова по-разному.

Впрочем, изменения касались не только диалектов. Сегодня в славянских текстах мы видим привычное слово «церковь», но в древности оно писалось как «црькы» и соответствующим образом произносилось (буква Ъ обозначала краткий гласный звук). С течением времени современное начертание и произношение вытесняло старое, традиционное, и этот процесс продолжается до сих пор.

Итак, Остромирово Евангелие – апракос, сборник богослужебных чтений, начиная с Пасхи. Стало быть, на самой первой странице мы обнаружим хорошо нам знакомые слова из первого стиха Евангелия от Иоанна: «В начале было слово...»? Не так. В Остромировом Евангелии на этом месте стоит: «Искони бѣ слово». Здесь было использовано *исконное* слово «искони», но следующие переписчики выбрали вариант «в начале», потому что он ближе к греческому. Редактировался текст и при сверке с греческим оригиналом, и ради исправления ошибок, и ради большей понятности.

Впрочем, и по сю пору в славянской Библии многое выглядит неясным: так, в псалме 118, стих 83 псалмопевец говорит, что он был «яко мехъ на слане», и мало кто может понять, о чем вообще идет речь. Может быть, о покрытых мехом слонах, то есть мамонтах? Русский Синодальный перевод дает здесь вариант «мех в дыму», но это не намного понятнее. Наконец, современный перевод библейского общества уточняет: «закоптившийся бурдюк». Речь идет о мехе или бурдюке, в который наливали жидкости, пока он был эластичным, но он долго висел над очагом и потому прокоптился, почернел, задубел, годится только на выброс.

Немало было в переводе и прямых ошибок. Так, в 17-й главе Деяний описывается, как апостол Павел выступал в афинском совете, носившем имя Ареопаг, буквально «холм Ареса». Переводчики или переписчики в Афинах не бывали, холма этого не видели, а греческое слово *πῦλος* означало не только «холм», но и «стужу». В результате появился перевод: «Ариевъ ледъ». Получилось, что апостол проповедовал среди каких-то ледяных глыб, по-видимому, принадлежащих еретику Арию. В более поздних редакциях этот лед был, конечно, исправлен, и теперь мы обнаружим там «Ареопагъ». И что самое интересное – такое разнообразие текстов никого не удивляло, не заставляло рассуждать о «единственно правильном» издании, с которым должны сверяться все остальные. Ну, во-первых, в те времена, когда книги переписывались от руки, это было бы просто нереально. Но есть тут и другая причина: библейские рукописи и должны были выглядеть по-разному, потому что предназначались для разных целей.

А вот полная Библия на Руси появилась четыре с половиной века спустя после Остромирова Евангелия.

3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван

Итак, в древней Руси, строго говоря, не было никакой Библии – только отдельные издания библейских текстов, прежде всего приспособленные для богослужбных целей, иногда с толкованиями, и уж самый редкий случай – это текст в чистом виде, с книгами в привычном нам порядке.

Идея полной Библии как единой книги была чисто западной, и такой же оказалась вся практика ее воплощения. Нет, разумеется, полная Библия под одной обложкой появилась отнюдь не в Западной Европе, нам прекрасно известны кодексы IV–V веков: Александрийский, Ватиканский, Синайский. Они были созданы в позднеримской или ранне-византийской, кому как привычнее, империи, но до Руси не добрались, и, судя по всему, сама идея такого издания оставалась для наших предков практически неизвестной.

Всё изменилось с изобретением книгопечатания. В середине XV в. стали выходить первые печатные издания Библии, а значит, не только полные собрания библейских книг, а целые тиражи совершенно одинаковых текстов. Так появилось представление не просто о единичном кодексе, но о стандартном издании, с которым можно сверяться, на которое стоит ориентироваться при подготовке прочих книг, будь то богослужбные или комментированные.

Кроме того, такое издание стоило дешевле и могло стать частной собственностью в доме богатой семьи – до сих пор библейские тексты хранились в основном при храмах и в монастырских библиотеках. Люди постепенно привыкали просто читать Библию для себя, пусть пока такое могла позволить себе лишь верхушка общества... На Западе это со временем приведет и к распространению переводов на национальные языки, и к Реформации, и к возникновению библеистики как науки.

Но пока что вернемся в Россию, и разумеется, в тот же самый Новгород, где переписывал книги с глаголицы на кириллицу поп Упырь Лихой, где заказывал диакону Григорию евангелие посадник Остромир, а что для нас еще важнее – где в конце XV в. гостили с товарами ганзейские купцы, привозя с собой печатные книги, прежде всего Библию.

Именно там и именно тогда распространяется и загадочная ересь жидовствующих, о которой нам сегодня мало что известно. Возможно, ее сторонники внимательно прочитали и слишком буквально восприняли Ветхий Завет, с которым и решили теперь сверять свою духовную жизнь, включая ее обрядовую сторону.

Главным борцом с этой ересью стал новгородский архиепископ Геннадий, канонизированный святой. Часто приводят цитату из его письма московскому митрополиту Зосиме, где он призывает последовать примеру «шпанского короля» и безжалостно жечь еретиков. Согласно летописным источникам, некоторых-таки сожгли по его приказу – вот каким было тогда западничество! Но мало кто знает, что именно он осуществил издание первой полной Библии на Руси – правда, пока еще рукописное.

Это издание получило название Геннадиевской Библии. Казалось бы, чего проще: собрать по церквам и монастырям все рукописи, отобрать самые надежные... Но удалось найти далеко не все книги Ветхого Завета. Часть пришлось переводить заново с латинских изданий, этим занимался католический монах из Хорватии по имени Вениамин. И таким бывало русское западничество в XV в., оно же тогдашнее панславянство.

А книги Есфирь и Песнь Песней, судя по всему, были переведены... и вовсе с еврейского, мы даже не знаем, кем именно. А как же борьба с жидовствующими, главная битва святителя Геннадия? Но одно дело – текущая церковная политика и борьба с еретиками, а другое – почтение к первоисточникам. Собственно, не от того ли возникают и распространяются ереси, что люди не читают первоисточников или трактуют их неверно, в искаженном понимании? Просвещение – главное орудие против ереси.

Но Геннадиевская Библия была рукописной, и, значит, она никак не могла стать национальным стандартом. Сколько с нее было сделано списков, мы точно не знаем, но ее роль огромна, потому что именно она была со временем положена в основу первой печатной Библии на Руси, а значит, всех последующих изданий церковнославянского текста, включая и тот, что стоит у нас с вами на книжной полке.

Вскоре после этого был предпринят и еще один очень интересный проект, не имевший, впрочем, особого влияния на ход истории. В 1517 году в цесарском городе Праге начала издаваться «Бивлия Руска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцка, Богу кочти и людемъ посполитымъ к доброму научению». Правда, это была далеко не вся Библия, а лишь отдельные ветхозаветные книги, в 1525 году в Вильне (совр. Вильнюс) был напечатан также «Апостол» в версии Скорины. Что же это была за «Бивлия Руска»? Церковнославянский текст, исправленный по венецианским изданиям самого начала XVI в. и с сильным влиянием белорусских диалектов, хорошо знакомых половчанину Скорине. Так что сам его язык можно при желании назвать старобелорусским или церковнославянским белорусского извода, кому как больше нравится.

Скорина, несомненно, был гуманистом и просветителем, но какой держался веры – никто не знает. Одни считают его католиком, другие – православным, третьи – униатом, а некоторые источники прямо называют гуситом, то есть сторонником зарождавшейся в Европе Реформации. Да и в самом деле: имя у него явно не православное, его идея печатать Библию на народном языке совершенно не католическая, а что до гуситов и реформаторов, так он был слишком большим конформистом. Скорее всего, Скорина был просто ученым знатоком, белой вороной своего времени. Да и что за проект: Библия, с одной стороны, русская, национальная, а язык все-таки ближе к церковнославянскому, чем к говору града Полоцка XVI века! Сплошной компромисс, не принятый в ту эпоху ярких контрастов и незаслуженно забытый по сей пору.

А вот о Геннадиевской Библии такого не скажешь. Списки с нее легли в основу первого печатного издания Библии на церковнославянском. Его осуществил знаменитый первопечатник дьяк Иван Федоров, и называется эта Библия Острожской, поскольку вышла в городе Остроге в 1581 году. Книга вышла в свет по благословению православного епископа и под покровительством православного князя Константина Острожского, но происходило все на территории Литовского княжества (сегодня Острог принадлежит Украине). Все же слишком подозрительно выглядела деятельность московского первопечатника для московских же ревнителей благочестия: новшество, западничество, почти что колдовство... Пришлось переселяться в ближнее зарубежье. Так первая печатная Библия на Руси оказалась чистой воды «тамиздатом».

Зато она действительно стала национальным стандартом – именно ее многократно переиздавали, теперь уже в Москве. Ей доверяли настолько, что не считали нужным сколь-нибудь серьезно редактировать. Реформатор патриарх Никон, стремившийся привести всё к полному соответствию с греческими образцами, задумывал, правда, такую редактуру, но не успел взяться за нее всерьез. Отметим, что при нем «возвращение к истокам» проходило под западным влиянием: ученых монахов выписывали для книжной справки в основном из Киева, образование они получали в том числе у иезуитов, и заглядывали они не только в греческий, но и в латинский текст. Впрочем, в ходе реформ Никона сразу началось такое, что всем как-то стало не до тонкостей библейской текстологии. В результате московское издание 1663 года (время взлета Никона!) фактически повторяет Острожскую Библию.

А последняя серьезная ревизия церковнославянского текста была инициирована вовсе не патриархом Никоном, а другим великим реформатором: «В Московской типографии печатным тиснением издать Библию на славянском языке, но прежде тиснения прочесть ту Славянскую Библию и согласить во всем с Греческою». Никон был бы доволен формулировкой, но принадлежит этот указ не ему, а Петру I, он был дан в 1712 году. Впрочем, такие проекты быстро не делаются, особенно у нас. Работа то начиналась, то прекращалась, попутно выяс-

нялось, что с греческими изданиями слишком уж много расхождений... Да стоит ли овчинка выделки?

Например, один из русских иерархов того времени и ныне почитаемый святой, митрополит Арсений Мацеевич, считал: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас и не особо нужна. Ученый, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую, какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется». Еще одна характерная черта того времени: богословское образование было скроено на католический лад и опиралось на латинские тексты.

И снова, как и в случае с архиепископом Геннадием, видим с неожиданной стороны известного в истории церковного деятеля – митрополит Арсений отказался в свое время присягать императорам как «крайним судиям» церкви, что, впрочем, не вредило его карьере, пока он не выступил против отчуждения церковных владений Екатериной II. Тогда он был сослан в монастырь, продолжил там критиковать императрицу, был посажен в крепость, где и скончался. В 2000 году был канонизирован как священномученик.

И вот этот обличитель цариц, этот носитель библейского пророческого духа не видел смысла в существовании славянской Библии?! Трудно бывает понять человека, жившего два с лишним столетия назад, но, видимо, он был противником всякой секуляризации: от распространения Писания среди простого народа и до отнятия у монастырей деревень с крепостными. А может быть, он просто мечтал о возвращении в те времена, когда простой народ слушал чтения из Писания в храме и ему того хватало?

И все же императрица Елизавета решила довести до завершения и это начинание своего отца. В 1751 году исправленное издание увидело свет, теперь его называют Елизаветинской Библией. Это было последнее исправление церковнославянского текста в России, с тех пор и по сей день переиздается именно этот текст, иногда с косметической правкой. Периодически заходит разговор о необходимости создать новое издание, с учетом всех достижений современной науки, но пока что разговорами дело и ограничивается.

Хорош или плох этот текст, но с XIX века речь всерьез зашла о необходимости Библии «для поучения народу» – перевода на русский язык.

4. Нужна ли Библия на русском?

Сегодня почти в каждом доме, где читают по-русски, есть Библия на русском языке, и если задать вопрос «зачем?», хозяева удивятся. Можно Библию не читать (большинство и не читает), но надо же иметь ее у себя на полке, по крайней мере, как классическое произведение мировой литературы, если не как Священное Писание. Причем, разумеется, не в оригинале, и даже не на церковнославянском, а на природном нашем языке – русском.

Всего пару столетий назад эта мысль казалась многим революционной хотя бы потому, что такой Библии не было на свете. В 1824 году А. С. Пушкин из Михайловского отправил заказ брату в Петербург: «Библию, библию! и французскую непременно!» Трудно понять из этой фразы, собирался ли Александр Сергеевич читать только французский перевод или он просил прислать две книги: одну (по умолчанию) церковнославянскую, а другую – французскую, для понимания. Русской еще просто не существовало.

Образованное общество могло справиться в трудных случаях с французским или иным западным переводом. А остальные? Нужна ли была им Библия на современном русском языке? Как уже было сказано, еще в XVIII веке митрополит Арсений Мацеевич считал, что даже на церковнославянском издавать полную Библию не стоит.

Впрочем, это не означает, что попыток перевода вовсе не было. Отдельные отрывки из Библии, а точнее, псалмы публиковались на русском в вольном переложении еще с конца XVII века. Такие переложения сочиняли Симеон Полоцкий (1680 год), Авраамий Фирсов (1683 год), Василий Тредиаковский (1753 год), но это все же были личные эксперименты – скорее вольные размышления поэта над страницами славянской Псалтири, нежели кропотливый труд переводчика. Подобные опыты продолжаются и в новое время – последнее поэтическое переложение псалмов подготовил Наум Коржавин.

Как уже говорилось прежде, в Средние века никто не ожидал от рядовых верующих, что они дома раскроют Библию и станут ее читать: книги были исключительно редки и дороги, да и грамотных было мало. С первой проблемой покончило массовое книгопечатание, со второй – эпоха Просвещения, по крайней мере, в Европе. Особенно изменилось положение дел после Реформации, которая предложила каждому христианину самостоятельно обращаться к Писанию, а значит, читать его на своем родном языке.

Волны Реформации докатились до России при Петре I. Есть сведения, что именно в его царствование Библию переводил на русский язык немецкий пастор из ливонского города Мариенбурга (совр. Алуksне в Латвии) по имени Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 году. От пастора зато остался латышский перевод Библии, а России он подарил совсем иное: свою воспитанницу Марту Скавронскую, она же государыня Екатерина I.

Трудно сказать, что там происходило на самом деле, переводил ли пастор Библию на русский или только собирался, и если переводил, сколько успел перевести и почему его черновики бесследно пропали. Но вряд ли имел бы успех этот перевод остзейского немца на язык, который был для него не родным и даже не первым иностранным. Как и многие иные начинания петровской поры, его перевод выглядел бы как нечто чужое, перенесенное на русскую почву из германской культуры – такие вещи с трудом приживаются даже в технической сфере, что уж говорить о духовной области.

Да и русского литературного языка в ту пору еще, по сути, не было. Был церковнославянский, был официальный язык государевых указов, был язык технических инструкций (где каждое второе слово было иноземным), и был, разумеется, просторечный, разговорный язык – в каждом городе свой. На какой именно язык мог переводить пастор Глюк священный текст? Ему предстояло (как он сделал с латышским, а до него – Лютер с немецким), по сути, создать

новую версию литературного русского языка... и вряд ли бы он справился с этой задачей, вряд ли страна бы приняла его изобретение.

Русскому литературному языку еще только предстояло появиться, и те, кто его создавал, в отличие от Лютера в Германии, вовсе не горели желанием сделать текст Писания доступным каждому христианину – слишком много у них было других задач, да и сопротивление материала было велико. Антиох Кантемир изображал в своей сатире одного такого противника новшеств:

Как, – говорит, – Библию не грешно читать,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
Ой нет, надо Библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.

Речь, конечно, шла о Елизаветинской церковнославянской Библии, но тем страшнее показался бы ценителям старины русский перевод. Зато в начале XIX века в протестантских странах Европы, начиная с Великобритании, возникло новое движение – библейские общества. Всё началось, как часто бывает у англосаксов, с истории про *damsel in distress* – про бедную, но благочестивую девушку по имени Мэри Джонс, которая копила деньги, чтобы купить собственную Библию, но не смогла найти ее в продаже в ближайшем магазине и вынуждена была прошагать двадцать миль в ее поисках, причем босиком.

Благородные джентльмены, услышав о ее странствии, приняли в 1804 году истинно британское решение – учредить особое общество, которое обеспечит возможность подобным девушкам и всем остальным беспрепятственно приобрести экземпляр Писания на родном языке и по сходной цене, причем действовать это общество собиралось не только на территории Британии, но и за рубежом. Забегая вперед, скажу, что в России ему удалось сделать немало.

Это была эпоха наполеоновских войн, и Россия вышла из нее полноценной европейской нацией. Не только русская армия оказалась сильнее *la Grande Armée*, но и народ сумел, преодолев сословные различия, выступить как единое целое, защищая свою страну. А без чего европейской нации начала XIX века невозможно обойтись? Помимо всего прочего, без национальной Библии.

Она была у французов, немцев, англичан, даже в небольших «придунайских княжествах» (родных краях Кантемира) читали свои румынские переводы еще с XVI–XVII веков... И только храбрые россы, чей гром победы раздавался на всю Европу, были лишены этого национального символа. Да и не только символа, важнейшего источника развития литературы и культуры любого христианского народа – достаточно вспомнить, как много библейских мотивов у того же Пушкина. И всё это – из французской Библии? А ведь были в русской литературе уже и Ломоносов, и Державин, и Карамзин...

Очень кстати пришлось тут и мистические настроения императора Александра I, который в то же время был открыт иноземным влияниям. Словом, вскоре после изгнания Наполеона, Александр I принял два решения, коими пожелал отблагодарить и прославить Творца: построить в Москве храм Христа Спасителя и учредить в России библейское общество. Интересно, что пока работало это общество, не строился храм, а затем, когда общество закрылось, то и храм был построен. Так уж оно у нас повелось на Руси: стены строим или в смысл вникаем мы обычно по отдельности.

5. Библейское общество и кирпичный завод

Итак, к тому моменту, когда А. С. Пушкин в 1824 году просил прислать ему французскую Библию, уже восемь лет как было принято решение на самом высоком уровне: русской Библии быть! Но от решения до того дня, когда в синодальной типографии будет отпечатан тираж этой самой Библии, пройдет шесть десятилетий. Будь у этого издания хоть какое-нибудь предисловие, в нем наверняка была бы изложена долгая и трудная история этого труда, названы имена переводчиков и редакторов, подробно разобраны аргументы всех тех, кто стремился выпустить это издание в свет, и всех, кто этому противился... Или слишком тут было все неоднозначно, чтобы выносить такое на публику? Может быть, потому и не было в книге никакого предисловия?

Решение подготовить русский перевод Святейший синод принял по предложению императора Александра I в начале 1816 года, сразу после окончания наполеоновских войн. Работа была поручена новооткрытому Российскому библейскому обществу, тогда исключительно популярному в обществе благодаря высочайшей протекции. И работа закипела: уже в 1819 году было издано Четвероевангелие, а в 1821 году – полный Новый Завет. Первые издания были параллельными с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 году впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Однако с самого начала переводческую работу сопровождали ожесточенные споры: да нужна ли она вообще? Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А. Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Филарет, будущий митрополит Московский. Благосклонно относился к нему и митрополит Петербургский и Новгородский Михаил Десницкий.

Но были у перевода и противники, причем споры эти не утратили своего значения и по сей день. Правда, теперь никто не сомневается в возможности и даже необходимости русского перевода Священного Писания, но все те же самые аргументы выдвигаются сегодня в иных спорах, которые, как знать, лет через сто или двести покажутся нашим потомкам такими же странными и неуместными.

Главными критиками тогда были митрополит Серафим Глаголевский и министр просвещения адмирал А. С. Шишков (тот самый, который галоши желал непременно звать мокроступами). Они были не просто недовольны качеством перевода, а отрицали саму необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской, тем более что в библейском обществе трудились далеко не одни православные. Шишков писал (и эти слова по сей пору охотно перепечатываются православными ревнителями): «Рассеиваемые повсюду в великом множестве Библии и отдельные книги Священного Писания, без толкователей и проповедников, какое могут произвести действие?... правила апостольские, творения Святых Отцов, деяния святых соборов, предания, установления и обычаи церковные – одним словом, все, что доселе служило оплотом Православию, все сие будет смято, попорано и ниспровержено. Всякий сделается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с церковью».

Победа в споре была обеспечена той стороне, которую гласно или негласно поддерживал император. Сначала само его желание увидеть этот перевод изданным было лучшим аргументом в пользу всего предприятия, но... «дней Александровых прекрасное начало» сменилось усталостью и раздражением от всех этих новшеств. А мистические увлечения былых дней стали казаться консервативному духовенству всё более подозрительными, тем более что петербургская аристократия и в самом деле увлекалась духовностью самого разного рода, не всегда

совместимой с православием. Сам Голицын, как и многие представители аристократии в те годы, был масоном.

А главное, получившийся перевод Нового Завета был слишком непохож на церковнославянский – и то была сознательная установка переводчиков! Они, в частности, руководствовались такими правилами: «греческого текста, как первоначального, держаться в переводе преимущественно перед славянским; величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности». Всё это выглядело крайне подозрительно.

К тому же умершего митрополита Михаила в 1821 году сменил на кафедре митрополит Серафим, противник всего, что касалось перевода. Он добился отставки Голицына в 1824 году – как раз когда Пушкин просил французскую Библию! – и всё посыпалось: библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 года свежееотпечатанный тираж первых восьми книг Ветхого Завета на русском был сожжен на кирпичном заводе.

А дальше началось царствование Николая I, и о всяких сомнительных новшествах полагалось крепко-накрепко забыть. Зато в его годы было исполнено другое повеление Александра I, данное им в те же победные дни зимы 1812/13 года, что и указ об учреждении Библейского общества в России: началось строительство храма Христа Спасителя в Москве.

Впрочем, продолжалась и неофициальная работа над переводами: Новый Завет уже существовал, так что те, кто радели о переводе, занимались Ветхим. В то время в Европе все новые переводы делались исключительно с еврейского Масоретского текста, который считался тождественным оригиналу. Но в православной традиции огромную роль всегда играла греческая Септуагинта, которая во многих местах отличается от Масоретского текста, не говоря уже о том, что в ней есть книги, еврейские оригиналы которых до нас просто не дошли. Они не входят в протестантские издания, но в православных они печатаются. И что делать с церковнославянским переводом, который используется за богослужением и с греческим не всегда совпадает? Единого мнения не было.

В николаевскую эпоху было два главных переводчика: кабинетный ученый и полевой миссионер. Первый – это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819 году основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С.-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в хронологическом порядке, в соответствии с представлениями ученых того времени, строго с Масоретского текста. Переводы показались студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже С.-Петербурга. Один экземпляр хранится сегодня в Исторической библиотеке в Москве.

В результате на вольнодумца был написан донос и в 1841 году было проведено синодальное расследование. О. Герасим остался преподавать в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862–1863 годах, уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг Ветхого Завета и Притчей.

Другой переводчик – архимандрит Макарий Глухарев, просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня хранят о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Для начала Макарий написал о своих предложениях московскому митрополиту Филарету (сегодня оба они прославлены как святые), но поскольку ответа не было, он с 1837 года приступил к самостоятельной работе, пользуясь отчасти литографиями Павского. Результаты своих трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с особыми разъяснениями.

Тон его послания к Синоду – под стать книге Исаяи, которую оно сопровождало. Макарий обличает Синод за нежелание порадеть в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю I! Ответом была епитимья: ежедневно служить литургию – и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время.

Упорный миссионер продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; переводы после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860–1867 годы и использовались при подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту. Особенно ценят их сегодня свидетели Иеговы, поскольку в них употребляется не привычное нам слово «Господь», а имя «Иегова».

Был один теоретик перевода – сам митрополит Филарет. Хотя он и не ответил на письмо Макария, но разрабатывал методологические указания для переводчиков. Их он изложил в записке к Священному синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания» (1845 год). Там он предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским.

Именно так и решено было поступить в царствование Александра II, когда началась подготовка собственно Синодального перевода Библии на русский язык.

6. Синод и Библия

У меня на полке стоит книга, изданная в 1876 году и озаглавленная очень просто: «Библия. Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта в русскомъ переводѣ». Чуть ниже добавлено: «По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѣнода». Вот эту Библию, а также все ее переиздания, в том числе и с исправлениями, мы и называем Синодальной, она и по сей день остается главной национальной Библией, хотя появляются и новые переводы.

Как все-таки жаль, что в этом издании нет предисловия, где рассказывалась бы сложная история этого перевода и излагались принципы его создания! Всѣ, увы, приходится восстанавливать по тексту самой книги и вторичным источникам.

Итак, на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 год) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение еще не привело к началу работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, киевский митрополит Филарет Амфитеатров. Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречіе, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.!» – восклицал митрополит Филарет. Так оно, впрочем, со временем и случилось, но сегодня это уже никого не пугает.

Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и поголовно обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «инородцев», в отношении которых оно выглядело уж совсем утопично. Разделял эту позицию и обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов, Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 году он подтвердил решение двухлетней давности: «Перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священнаго Писанія необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священнаго Писанія. К переводу сему должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейскаго и греческаго языков, по избранию и утверждению Святѣйшаго сѣнода».

Император согласился с этим решением. В результате в четырех Духовных академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил митрополит Филарет, который фактически был главным редактором этого перевода и посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 году). Наконец текст окончательно утверждался Синодом.

За основу были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подвергались самым серьезным исправлениям, так что фактически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редакции старых.

Таким образом, в 1860 году было издано Четвероевангелие, а в 1862 году Новый Завет. Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала века. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы Глухарева, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 по 1875 год публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг. Работа велась в полном соответствии с

принципами, изложенными в докладной записке митрополита Филарета: переводить Ветхий Завет с еврейского текста, но при этом дополнять его вставками из греческого перевода, а также сверяться со славянским, особенно в догматически значимых местах. Такое компромиссное решение должно было удовлетворить строгих критиков... хотя, кажется, их уже ничего удовлетворить не могло.

В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетавший элементы еврейского и греческого текста, причем греческие вставки были помечены скобками. Мы читаем в книге Бытия буквально следующее: «Адам жил сто тридцать (230) лет, и родил (сына) по подобию своему (и) по образу своему, и нарек ему имя Сиф». От первого издания и до наших дней сохраняются эти скобки, включая явные расхождения в числах.

Правда, протестанты, начиная с 1882 года, в своих изданиях стали опускать всё, что приводилось в скобках (включая и те, которые использовались как знаки препинания), но и это не привело к появлению перевода, полностью идентичного еврейскому тексту, ведь во многих случаях влияние греческого или славянского проявилось на уровне интерпретаций. Например, еврейский текст гласит, что Бог завершил Сотворение мира в седьмой день. Как же так, ведь это уже был день покоя? И Септуагинта поправляет: в шестой. А в Синодальном читаем: «И совершил Бог к седьмому дню все дела Свои, которые Он делал». Числительное «седьмой» взято из еврейского текста, но смысл скорее соответствует греческому: дескать, никаких трудов в сам седьмой день уже не было.

Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на западе (т. н. *Textus Receptus*, то есть «общепринятый текст»), и на востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Так возникла наша национальная Библия, такой она и остается с минимальными изменениями. В 1926 году Синодальная Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 года, подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»). Более существенных исправлений не было.

А зря, в этом переводе многое нуждается в правке. О стилистике сейчас говорить не будем, лишь о точности и последовательности. История и в особенности предыстория Синодального перевода была слишком сложной и долгой, его появление определялось скорее церковно-политическими спорами, чем научными дискуссиями, над ним работало слишком много разных людей, и результат оказался достаточно противоречивым и непоследовательным. Нередко возникает путаница в терминах, даже в именах собственных: в исторических книгах Ветхого Завета один и тот же город называется то Екрон, то Аккарон, и пойдя угадай, что город один.

Но есть и более серьезные проблемы. Ключевое для Послания к Римлянам понятие δικαιοσύνη (употребляется в этой книге тридцать четыре раза!) переводится то как «правда», то как «праведность», а это ведь по-русски совсем не одно и то же. В результате разрушается логика апостола Павла, которую и без того непросто понять.

Были в переводе (и остаются по сей день!) и прямые ошибки. Во 2-й книге Царств мы читаем про то, как поступил царь Давид с населением захваченного главного города аммонитян: «...народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Это не просто тотальный геноцид, но какое-то изощренное зверство... Непонятно, впрочем, как это аммонитяне выжили после таких массовых казней, да еще и в ближайшем будущем вернули себе независимость.

Да только нет такого в оригинале. Там всего лишь сказано, что Давид «поставил» городских жителей к этим орудиям – видимо, отправил в трудовые лагеря. Тоже не сахар, но все-таки объяснимо: заставил завоеванных потрудиться на благо собственного государства. Для нас, знающих историю XX века, разница огромна.

И все же, несмотря на все ошибки, появление и распространение первой русской Библии имело огромный эффект. Какое впечатление произвело оно на простой народ, лучше всего описал Н. С. Лесков в рассказе «Однодум», главный герой которого, квартальный надзиратель Рыжов, стал эту книгу не просто читать, но и задумываться над прочитанным, а потом – и жить в соответствии с ним. И оказался он таким инопланетянином среди крещеного люда... «На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и „до Христа дочитался“, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся» – резюмирует Лесков.

А с юродивыми всегда неудобно. Может, потому так и затягивали с этим переводом? Свободный доступ к нему читатель имел меньше полувека, затем пришла революция и гонения на церковь. Но неизбежно встает вопрос: может быть, если бы не тянули так с переводом, если бы распространяли его, смогли бы остановить и нравственное одичание, приведшее к кровавой революции? К сожалению, ответа мы никогда не узнаем.

7. Толстой, Победоносцев и другие

«Язык этого перевода, тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век» – такую оценку Синодальному переводу Библии дал российский ученый И. Е. Евсеев, и сделал он это накануне революции 1917 года. С самого момента своего выхода в свет этот перевод стал не только национальной Библией, но и мишенью для критики.

Недостатков в нем находили немало. О фактических неточностях уже было сказано, но самый серьезный, пожалуй, точно был назван Евсеевым, и дело тут не только в устаревших словах, во всех этих «седалищах» и «влагалищах» (не подумайте плохого, речь идет о сиденьях и о ножнах, куда вкладывали меч). Что поделать, этот перевод действительно начали делать, когда Пушкин только учился в Лицее, и преодолеть это отставание от литературной нормы переводчикам и редакторам, пожалуй, так и не удалось.

Главная проблема, пожалуй, кроется в тяжеловесных кальках с древних языков и чрезмерном буквализме. «Но я видел сон, который устрасил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня» – так жалуется царь Навуходоносор, и это еще понятно, хоть и неуклюже. А вот когда псалмопевец восклицает: «От прещения Твоего, Боже Иакова, вздремали и колесница и конь», – тут уже и не поймешь вообще ничего. А речь идет о том, что достаточно Богу сказать одно слово – оцепенеет грозное вражье войско (по-видимому, тут есть и намек на исход израильтян из Египта, когда египетские колесницы, пустившиеся за ними в погоню, были смыты морскими водами, и наездники уснули вечным сном вместе с конями).

Возникали вопросы и с текстами положенными в основу перевода. Синодальный перевод, как мы уже говорили, в ветхозаветной части делался в основном с еврейского Масоретского текста, но со значительными поправками и вставками из греческой Септуагинты. Греческий текст традиционно пользовался огромным авторитетом у восточных христиан, но этого не скажешь про иудеев – поэтому специально для них в Лондоне в 1866–1875 годах, то есть практически параллельно с Синодальным, был издан перевод В. А. Левинсона и Д. А. Хвольсона. Его было дозволено распространять и в России, но только «для употребления евреям», как гласила надпись на титульном листе. И это было не единственное издание для них: можно упомянуть издания, подготовленные Л. И. Мандельштамом (выходили в Берлине в 1860-е и 70-е годы) и О. Н. Штейнбергом (Вильна, 1870-е годы). Такие издания, как правило, выходили с параллельным древнееврейским текстом, иногда перевод сопровождался комментариями, эта традиция продолжается и по сей день. По стилю все эти переводы, впрочем, схожи с Синодальным и сегодня они практически забыты. Как нетрудно угадать, Нового Завета в этих иудейских Библиях просто не было.

Но и среди христиан переводческая деятельность продолжалась. Синодальный перевод казался тогда многим возмутительным новшеством, слишком далеким от церковнославянского текста (впрочем, и сегодня есть немало таких ревнителей). И для них был в 1905 году издан в С.-Петербурге Новый Завет в переводе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. В нем Иисус с апостолами плывал по Галилейскому озеру не в прозаической лодке, словно простой рыбак, а на целом *корабле*, и исцелял не каких-нибудь больных на прозаических постелях, а *недужных на одрах*. Его основной принцип: чем ближе к славянскому, тем лучше, ведь всякий новый перевод для него есть не самостоятельное предприятие, а некоторое улучшение существующего текста. Старые слова заменяются новыми, и каждая подобная замена таит в себе опасность. «Заменяя слово другим, ходячим в разговоре, мы рискуем изменить или ослабить смысл употребляемого в священном тексте термина, – так, например, ставя *узнал* вместо *уразумел*, *делать* вместо *творить*, *примут* вместо *обрящут*, *знал* вместо *ведал*... И во мно-

жестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь нисколько не становится понятнее, а только вульгаризируется», – пояснял Победоносцев.

Кроме того, делались переводы Ветхого Завета с греческой Септуагинты. В 1870-е годы выходили отдельные книги в переводах епископа Порфирия Успенского, а затем и П. А. Юнгера (Казань, 1882–1911 годы). Из всех этих переводов наибольшую известность получил юнгеровский перевод Псалтири, переизданный в 1996 году. Он довольно академичен и предназначен, прежде всего, для самостоятельного разбора трудных мест славянского или греческого текста. Для самостоятельного чтения такой текст плохо подходит, а уж для молитвы он и вовсе непригоден. Сразу отмечу, что продолжения эти труды так и не имели – сегодня Ветхий Завет переведен с греческого на основные европейские языки и на украинский, а вот на русском мы довольствуемся перепечатками старых и к тому же неполных переводов.

Выходили вплоть до 1920 года также переводы отдельных книг, выполненные самыми разными авторами, стремившимися передать красоту и глубину, которые открылись им в любимых книгах Библии. Это, к примеру, Послания к Галатам и Ефесянам в переводе А. С. Хомякова; Притчи Соломоновы в переводе епископа Антонина (Грановского); Песнь песней и Руфь в переводе А. В. Эфроса.

Отдельно стоит сказать о переводах Евангелий Л. Н. Толстого. Точнее, это были не переводы – ну разве мог Толстой просто переложить евангельский текст, ничего в нем не исправив? Его «Соединение и перевод четырех Евангелий» вышло в Женеве в 1891–1894 годах и, в сокращенном виде, в России в 1906 году. Это вольный пересказ отдельных страниц Евангелия, проповедующий собственное вероучение писателя. Разумеется, в нем не нашлось места ничему, что противоречило бы его воззрениям: нет в нем места чудесам, включая и Воскресение Христово. Христос Толстого – моралист, вроде самого Льва Николаевича, и никак не более того. А стиль этого текста – полная противоположность победоносцевскому:

«И стал Иисус им толковать про царство Бога, и толковал он это примерами. Он сказал: Бог Отец сеет в мире жизнь разумения, все равно как хозяин сеет семена на своем поле. Он сеет по всему полю, не разбирая, какое куда попадет. И вот попадают одни зерна на дорогу, и прилетят птицы и поклюют. А другие на камни, и на камнях хотя и прорастут, да повянут, потому что укорениться негде. А еще иные попадают в полыни, и полыни задавят хлеб, и взойдет колос, да не нальет. А иные попадут на хорошую землю, те всходят и наверстывают за пропащие зерна и выколашиваются и наливают, и какой колос дает сам-сто, какой сам-шестьдесят, какой сам-тридцать». И немного дальше, про малую закваску: «Как баба пустит в дежу закваску и смешает с мукой, она уж не ворочает ее, а ждет, чтобы она сама закисло и поднялась».

То есть в России и за ее пределами происходило примерно то же самое, что и в остальном христианском мире: при существовании единого национального текста возникали его варианты (протестантские издания Синодального перевода с исключением, насколько это вообще было возможно, вставок из Септуагинты) и новые переводы отдельных книг и больших частей Библии. Одного текста на всех просто не хватало, потому что у людей были разные ожидания и представления. Ну не мог Толстой видеть в Евангелии то же самое, что и Победоносцев, а Победоносцев не мог согласиться с прочтением Толстого. К тому же никакой, даже самый совершенный, перевод не может передать всех оттенков и тонкостей оригинала.

Именно по этим причинам уже ко времени создания Синодального перевода на основных европейских языках существовало по несколько переводов Библии, и новые продолжали появляться. Более того, уже существующие тексты тоже могли редактироваться и обновляться. Раздавались и вполне отчетливые голоса в пользу ревизии Синодальной Библии. Высказывание Евсеева, с которого мы начали этот рассказ, было призвано не уничтожить Синодальный перевод, а ясно заявить о необходимости его скорейшего исправления.

Это был один из вопросов, стоявших перед Всероссийским Поместным собором 1917–1918 годов – именно к нему и готовил Евсеев свой отзыв и свои предложения о ревизии тек-

ста. Но судьба этого собора оказалась слишком похожей на судьбу многих других начинаний в нашем Отечестве. Пока существовала империя, собор так и не созвали, хотя проблем церковной жизни было много и они активно обсуждались: двенадцать лет перед его открытием заседало «предсоборное присутствие»! Но до самого собора дело дошло только в 1917 году, он открылся в августе.

Дальнейшее понятно. Многие вопросы собор просто не успел подробно рассмотреть и принять по ним конкретные решения (к числу таких вопросов относилось и редактирование Синодального перевода), а те решения, которые были приняты, исполнить не было уже никакой возможности. До сих пор нет единого мнения о том, какова же была историческая роль этого самого представительного, самого подготовленного и квалифицированного собрания русских православных людей за всю нашу историю. Для одних это был запоздалый и упущенный шанс на возрождение церковной жизни в России, а для других – абстрактное прожектерство.

Как бы то ни было, дальше началось в стране государственного атеизма для кого выживание, а для кого – житие. И если у православных был, по крайней мере, еще и славянский перевод, читавшийся в церкви, то для многих протестантов именно этот текст и стал боговдохновенным, тождественным оригиналу. Издания Нового Завета и целой Библии отбирали и рвали следователи на допросах (о такой истории из своей жизни рассказывал адвентист М. П. Кулаков), их привозили из-за границы под одеждой смелые христиане (с Б. Линдстром из Швеции, которая занималась этим в советские годы, мы долго потом работали вместе в Институте перевода Библии). И всё это был Синодальный перевод. Он разделял судьбу мучеников и исповедников и потому для многих выглядел единственно возможным, единственно правильным текстом. Мученика канонизируют, не рассуждая о его ошибках.

Но когда прошла пора мученичества, стало возможно задуматься и об исправлении ошибок.

8. Время самоучек

Впрочем, это не значит, что в советское время не появилось никаких новых библейских переводов. Ближе к закату Союза стало возможным печатать такие опыты в виде научных или научно-популярных публикаций. Тут можно привести два примера, и оба связаны с самой трудной и спорной книгой Ветхого Завета – книгой Иова. Ее перевел в качестве приложения к своей монографии «научный атеист» М. И. Рижский (издание 1991 года), но еще задолго до того, в 1973 году перевод С. С. Аверинцева был напечатан в «Библиотеке всемирной литературы», в ее самом первом томе, посвященном Древнему Востоку. Туда же входили переводы некоторых других ветхозаветных книг, выполненные С. К. Аптом, И. С. Брагинским, И. М. Дьяконовым.

В этом издании библейские тексты вернулись в тот контекст, в котором они были некогда созданы: словесность древнего Ближнего Востока. Читатели могли сравнить Песнь Песней с египетской любовной лирикой, а книгу Бытия – с вавилонскими сказаниями о Сотворении мира и о потопе. Когда создавался Синодальный перевод, эти тексты не были переведены, а по большей части даже не найдены. Коммунисты не оставляли верующим возможности пойти и купить себе Библию в книжном магазине или в церковной лавке, зато теперь перед вдумчивым читателем Библия представляла как часть единой культурной истории человечества. И еще не известно, какое из двух этих обстоятельств вызывало к ней больший интерес.

Когда настали времена религиозной свободы, всё наше общество в каком-то смысле вернулось к тем вопросам, обсуждение которых было прервано в начале века. В том числе и к вопросу о необходимости новых переводов Библии.

За последние два десятилетия на русском языке вышло несколько таких переводов, и эта работа продолжается. Теперь к ней уже не имеют никакого отношения официальные церковные структуры, это инициатива отдельных людей и целых организаций, причем понять происходящее в России можно только в общемировом контексте. Библия остается самой печатаемой и переводимой книгой в мире. Вторым номером по совокупному тиражу за ней следует, с огромным отрывом, цитатник Мао Цзедунa, но его уже больше не печатают и не переводят даже китайские товарищи, в отличие от Библии.

Зачем столько? С одной стороны, в России, пусть и с запозданием, происходит всё то же самое, что и на Западе. На английском языке существует более двухсот полных переводов Библии, но продолжается работа над новыми. Конечно, нужно чем-то занять профессоров со всех библейских кафедр, но дело далеко не только в этом, и даже не в том, что наука не стоит на месте и значение многих отрывков постоянно уточняется, и не в том, что вариантов английского языка на самом деле много, и носители одного не всегда понимают носителей другого.

На месте не стоит не только наука, но и сам язык. Даже очень хорошо известные слова ветшают и меняют свои значения. В нашей речи, например, слово «жертва» утратило всякое религиозное значение, так называют пострадавших во время стихийных бедствий или войн. А ведь библейская жертва означает не разрушение, а созидание отношений между Богом и человеком. Как тогда поймет наш современник выражение «мирные жертвы» (оно встречается в Синодальном переводе)? Скорее всего, как указание на погибших мирных жителей. Но речь идет о праздничном жертвоприношении и радостном пире.

Или взять слово «искушение»: в Библии это нечто, способное сбить человека с верного пути, а в языке современной рекламы – что-то очень приятное и желанное. По сути, вместо отрицательного значения у слова появилось положительное. Такое происходит постоянно, уже в языке Пушкина «прелесть» (особо сильное искушение) стала синонимом красоты и изящества. Кстати, когда толкиновский Горлум в русском переводе называет кольцо «моя прелесть», обыгрываются оба значения этого слова. Но слышит ли эту игру читатель или зритель?

И новые переводы нередко ставят своей целью «освежить восприятие» библейского текста. Во многих языках мира слово «фарисей» давно стало означать «циник и лицемер», поэтому все евангельские обличения фарисеев выглядят банальными. Чтобы достичь желаемого эффекта и показать всю остроту евангельских обличений, современные проповедники или даже переводчики иногда передают это слово как «духовный наставник, набожный человек».

Есть и более серьезная причина: ни один перевод не может выразить всех возможных тонкостей оригинала. Перевод можно сравнить с фотографией: мастерски выполненный снимок даст хорошее представление о натуре... но все-таки неполное. Можно снять тот же предмет или пейзаж при другой освещенности, другой оптикой, с другой точки – и новый снимок окажется совсем другим, хотя не обязательно он будет хуже или лучше первого.

И ведь не всем подходит одно и то же. Сегодня на том же английском множатся переводы, предназначенные для специфических аудиторий: молодежи, феминисток, малограмотных иммигрантов, которым надо всё изложить на предельно упрощенном языке, и т. д. Но в то же время появляется все больше переводов, «снятых» с определенной точки: они могут передавать особенности поэтики оригинала или его конфессиональное прочтение, например.

Но была в этом процессе и наша, российская специфика. За годы советской власти у нас была создана великолепная школа литературного перевода – достаточно сказать, что наши лучшие поэты обычно зарабатывали переводами. И если Гёте и Шекспира переводил Пастернак, можно было не сомневаться, что русский текст не уступает оригиналу. Кроме того, литературные переводы библейских книг (а только они и могли пробить себе дорогу, но зато уж тогда и привлекали всё внимание читателя) видели в этом собрании книг явление мировой культуры в его культурном и историческом контексте, а не религиозный текст для богослужения и воскресной школы.

В то же время получить сколь-нибудь серьезное богословское или библеистическое образование было просто невозможно. Практически все, кто обратился к библейским переводам в постсоветское время, самоучки. Тот же самый М. П. Кулаков, работая в среднеазиатской глубинке на каких-то случайных должностях, изучал библейские языки дома в свободное время. И если С. С. Аверинцев, кумир русской интеллигенции, получил отличное образование на кафедре классической филологии МГУ, то это образование касалось исключительно античной литературы. Всё остальное, включая древнееврейский, ему приходилось добирать самостоятельно. Для нас, студенчества конца восьмидесятых, он открывал двери в мир раннехристианской культуры с ее библейским наследием, но когда он уехал в Вену, его пригласили преподавать русскую литературу, ведь профессоров по византистике и библеистике там хватало и без него.

Мы изо всех сил бросились догонять тогда Запад, наверстывать упущенное, но там наши усилия мало кому были заметны и интересны, на Россию многие западные проповедники смотрели примерно так же, как на Папуа Новую Гвинею.

Итак, начало девяностых, советская власть растворилась, духовность в моде, книг не хватает... В Россию приезжают иностранцы с чемоданчиками долларов (не шучу), собранными западными христианами на помощь их российским братьям. Одна из самых неотложных задач – перевести Библию заново, чтобы всем всё стало понятно.

Американский библеист Б. Мецгер однажды сказал: «Перевод – искусство правильно выбирать, что терять». Либо мы утрачиваем ясность, либо отказываемся от буквального следования оригиналу – это понятно. Существуют и другие развилки, как в сказке: налево пойдешь – коня потеряешь, а направо – голову. Например, насколько архаичным и торжественным (а следовательно, малопонятным и напыщенным) должен быть язык перевода? Или насколько однозначным (а значит, и произвольным) должен быть перевод многозначных или сложных для понимания мест (примеры будут ниже)?

Но тогда об этом думали мало. Самый простой и быстрый способ создать перевод – найти первых попавшихся людей, раздать им доллары из чемоданчика и попросить как можно скорее сделать работу. Примерно по этому пути пошли создатели так называемого «Современного перевода Библии», изданного в 1993 году «Всемирным переводческим центром» на серой бумаге без особых разъяснений, кто, как и зачем этот перевод сделал. Вот два стиха из 87-го псалма: «Друзья меня оставили, Ты меня страшилищем для всех них сделал, я в доме заточён, не выйти мне. От слез болят глаза. Господь, к Тебе взываю, и мои руки подняты к Тебе». Даже размер чувствуется и шекспировские интонации, но все же не Пастернак, совсем не он. Возникает стойкое ощущение, что переводили в основном с какого-то английского текста.

В другом случае откровенно так и сделали, причем из принципиальных соображений. Речь идет о выполненном свидетелями Иеговы «переводе Нового мира». Эта религиозная община некогда решила, что существующие переводы Библии плохо согласуются с их верованием и надо подготовить свой собственный. Он и был сделан – сначала английская версия, а потом она была локализована на разных других языках, в 2001-м вышел вариант и на русском. Это перевод откровенно предвзятый, достаточно привести только один пример: в послании Колоссянам 1:16 о Христе говорится «Им создано всё», но в этом переводе мы читаем «посредством его сотворено всё остальное» (то есть Христос оказывается тоже сотворенным). Как ни крути, а получилась натуральная ересь, если подходить с точки зрения традиционного христианства, но для свидетелей Иеговы именно так и будет правильно.

Впрочем, есть и другие переводы. Самую большую, хотя и несколько скандальную известность получили переводы «смысловые», призванные донести до читателя основной смысл текста. Прежде всего, это новозаветный перевод «Радостная весть», издаваемый Российским библейским обществом с 2001 года (единственной переводчицей была В. Н. Кузнецова, затем ее труд был отредактирован целой комиссией). Этот перевод сознательно отталкивается от синодальной традиции. Вот как звучит в нем начало 3-й главы от Матфея: «В те дни в Иудейской пустыне появляется Иоанн Креститель. Он возвещает: „Обратитесь к Богу! Ведь Царство Небес уже близко!“... Они признавались в грехах, а он омывал приходивших в реке Иордане» (3:1–6). С точки зрения Кузнецовой, в современном русском языке слова «проповедать, каяться, креститься, исповедовать» (мы находим их в Синодальной Библии) обозначают только церковные обряды, поэтому следует найти иные слова, чтобы передать внутренний смысл этих действий: «возвещать, обратиться к Богу, омываться, признаваться в грехах». Разорвать связь с традицией – значит передать смысл, так решила Кузнецова.

В ее переводе появилось немало резких выражений и даже грубых слов (брюхо, проститутка и т. д.). Критику вызывает даже название перевода: действительно, по-русски было бы естественнее сказать если не «благая», то хотя бы «добрая весть». И вместе с тем нельзя не признать, что перевод звучит яснее и ярче Синодального, он намного понятнее.

«Радостная весть» в отредактированном виде стала новозаветной частью перевода Российского библейского общества, впервые увидевшего свет в 2011 году (новая редакция вышла в 2015 году). А его ветхозаветная часть готовилась целым коллективом под руководством М. Г. Селезнева (мне довелось участвовать в этом проекте, правда, недолго), причем по иным принципам – здесь переводчики ориентировались на передачу не только смысла, но и художественности, и это им в целом удалось. А дальше началась еще одна очень российская история... Создатели перевода не слишком-то хотели видеть его под одной обложкой с «Радостной вестью», имея в виду создание совершенно иного Нового Завета. В результате внутренней борьбы в РБО сменилась значительная часть руководства, но книга была издана под одной обложкой. Именно это издание сейчас широко продается и рекламируется.

Но швы между двумя частями по-прежнему заметны. Например, многих читателей кузнецовских переводов смущало слово «дурак». В новом издании это слово встречается в Новом Завете несколько раз: «...не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще

побыть дураком и чуть-чуть побахвалиться!» (2 Кор. 11:16). Зато в Ветхом его нет ни разу: «Глупец не знает, невежда не понимает их» (Пс. 91:7); «Мудрый страшится и чурается зла, зато глупец буянит, ничего не боится» (Притч. 14:16).

Я упоминал М. П. Кулакова, который при Сталине отсидел пять лет за религиозную проповедь (следовател прямо в кабинете рвал и топтал его личный экземпляр Синодального перевода), а потом, в более вегетарианские времена, стал руководителем адвентистской церкви в СССР, сначала неформальным, а затем и вполне официальным. Но в начале девяностых ушел с этого поста, чтобы целиком и полностью посвятить себя... подготовке нового перевода Библии на русский язык. В 2000-м вышло первое издание «Нового Завета в современном русском переводе», затем к нему добавился целый ряд ветхозаветных книг. Сам Михаил Петрович ушел из жизни в 2010 году. Новый Завет под его редакцией был опубликован за десять лет до того, полная Библия вышла в 2015 году – работу продолжил его сын, Михаил Михайлович. Мне тоже довелось поработать в этом проекте переводчиком большинства пророческих и многих исторических книг Ветхого Завета, хотя в конечной версии они вышли в сильно отредактированном виде.

В 2015 году «Заокская Библия» (неофициальное название) вышла из печати целиком. Перевод вполне консервативен (иной раз доходит до стилистической манерности), но при этом достаточно ясен. Есть одна особенность: лишь в этом переводе из всех современных курсивом выделены слова, добавленные «для связности и ясности», как это делали в XIX веке, и добавлений этих, на мой вкус, слишком много.

Еще одна разновидность смысловых переводов – миссионерские переводы для мусульман. В их основе лежит та идея, что читателей-мусульман не надо сразу отпугивать книгой, которая выглядит как христианская. В 2003 году в издательстве «Стамбул» вышла книга в зеленой обложке с золотыми восточными узорами под названием «Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила». Как нетрудно убедиться, это Библия на русском языке, в которой арабизированы все имена (Иисус Христос, например, там зовется Иса Масих), к тексту даны примечания миссионерского характера. Этот перевод предназначен для протестантской миссии среди мусульман Средней Азии. Вот как обращается к галатам апостол Павел в этом переводе: «Глупые галаты! Кто вас сглазил, вас, которым ясно было представлено значение жертвенной смерти Исы Масиха? Ответьте мне на один вопрос: вы получили Духа благодаря соблюдению законов Таурата или же по вере в Радостную Весть, которую вы слышали?»

Но не могли в России не появиться и другие переводы, которые соответствовали бы именно нашей традиции переводов литературных, призванных передавать не только смысл оригинала, но и его красоту и глубину, насколько это вообще возможно.

Только люди нашего племени – они не только самоучки, они обычно еще и одиночки. Когда в 1997 году в С.-Петербурге был издан сборник из четырех книг Нового Завета (от Марка, от Иоанна, Римлянам, Откровение), подготовленный, помимо С. С. Аверинцева, тремя другими переводчиками (они пожелали остаться неизвестными), то оказалось, что они основаны на разных базовых текстах: критическом и традиционном – и следуют разным переводческим принципам. В результате не получилось у них ни команды для полного перевода Нового Завета, ни четырех разных Новых Заветов.

Еще один полный перевод Библии, который приближался к литературности, был издан в 2009 году Международным библейским обществом. Для Нового Завета взяли один из «смысловых» переводов девяностых, «Слово Жизни», отредактировали его, избавив от радикальности, и добавили самостоятельный перевод Ветхого Завета. Работала над этим группа людей, но имена их не указаны, а труд их практически неизвестен и нигде не распространяется. Как же всё это по-русски...

Если говорить о западных примерах, то можно было бы ожидать еще одного направления работы – ревизии традиционного текста, то есть Синодального перевода, с целью исправить его ошибки и осовременить. Но этого не произошло. Единственная работа такого рода – перевод, выполненный за рубежом под редакцией епископа Кассиана Безобразова в 1953 году. Он был издан Британским библейским обществом только в 1970 году, стилистически он весьма близок к Синодальному, но выполнен с современных (на тот момент) критических изданий новозаветного текста.

На самом деле, за такую ревизию могла бы взяться та организация, которая и выпустила Синодальный перевод – православная церковь. Она, однако, сейчас занимается другим. Работа с библейским текстом остается в основном частным делом чем-то вроде экстравагантного хобби.

А теперь подробнее поговорим о том, как это делается.

9. Притчи и розги

Мой опыт работы над русским переводом Библии начался с ветхозаветной книги Притчей, автором которой (или ее большей части) традиционно считается царь Соломон. Это был перевод для Российского библейского общества, мы делали его совместно с Е. Б. Смагиной и Е. Б. Рашковским, потом он был включен в полную Библию РБО. Некоторыми примерами (а лучше сказать, загадками) из этого перевода и хочу теперь поделиться.

Книга Притчей, строго говоря, сборник пословиц и поговорок. Пословицы на чужом языке не просто бывает понять – слишком они краткие, слишком большую роль в их понимании играет общность культурного знания. Невозможно объяснить, что такое «любишь кататься – люби и саночки возить» человеку, который никогда не мчался на санках с заснеженной горки. То есть объяснить-то можно, но пока будешь объяснять, он успеет соскучиться.

Когда мы имеем дело с пословицами древнего народа, мы часто даже не догадываемся, что у них там за саночки были, а если догадываемся – не всегда находим эквивалент в нашей собственной культуре. Приходится или объяснять, или домысливать, и эти домыслы, как водится, говорят о переводчике не меньше, чем об оригинале.

Вот, например, 12:9, в оригинале, если перевести буквально, сказано: «...лучше пренебрегаемый и слуга для него/себя, чем славящийся и недостаток хлеба». Общий смысл понятен: нечего кичиться своей славой и знатностью, если тебе хлеба не хватает. Но с кем сравнивается такой голодный аристократ? С человеком простым, презираемым, у которого есть слуга... или который сам себе слуга? Еврейский текст допускает то и другое толкование. И церковнославянский, и Синодальный перевод понимают этот стих во втором смысле: «муж в безчестии работая себе», «простой, но работающий на себя». Но не вписывается ли таким образом в текст христианская аскетика, в Ветхом Завете еще не очень известная? Конечно, образцовому монаху надлежит быть в пренебрежении у братии и при этом заниматься ручным трудом, никаких слуг ему не положено.

А вот на древнем Ближнем Востоке все-таки было не так. Представляя себе какого-нибудь мелкого торговца того времени, так и видишь, как он довольно оглаживает бороду: ничего, что не знатен, зато на стол мне раб подает, не то что вон тот обедневший потомок знатного рода, ему не то что раба, себя нечем прокормить... Так что мы перевели: «Лучше в простоте, да со слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Но при окончательном редактировании текста (редактором был Л. В. Маневич) все же было решено вернуться к традиционному аскетическому пониманию этого места, и в напечатанном переводе полной Библии мы читаем: «Лучше в простоте и быть самому себе слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Кстати, правка сразу стала заметна, она разбила наш энергичный «пословичный» стиль и даже синтаксис оригинала. Тогда бы уж лучше сказать «в простоте, сам себе слуга».

Зато наш вариант поддержан среднеазиатским переводом для мусульман: «Лучше быть в унижении, но иметь возможность нанять слугу, чем притворяться знатным, не имея и куса лепешки». Только и тут вышло осовременивание: речь идет все же не о слуге-наемнике, а о рабе, да и знатными в те времена не притворялись, а просто были. Что же до лепешки – местный среднеазиатский колорит, вполне созвучный и жизни на Ближнем Востоке.

А вот еще одно изречение из области экономических отношений (22:16), в оригинале оно звучит так же непонятно:

«притесняющий бедного для прибыли ему/себе, дающий для богатого только для разорения». Понятно, что бедных притеснять нехорошо. А как с этим связано наделение богатого еще большим богатством? И причем тут разорение? Церковнославянский перевод понимает всё в житейском плане: «Обидяй убогаго многая себе зла творит, дает же богатому во оскудение себе». Ну, понятно: давать богатому – только самому разоряться, и в этом с церковносла-

вянским согласен Синодальный. Но он связывает первую половину со второй: «Кто обижает бедного, чтобы умножить свое богатство, и кто дает богатому, тот обеднеет». Так поняли этот стих и мы: «Что угнетать бедняка для корысти, что богачу давать – лишь убыток». В результате речь идет не просто о том, что бедняка обижать нехорошо, но и о том, что оба таких действия, в конечном счете, ведут к разорению: отнимать у голодного и пичкать сытого (как это, кстати, актуально!).

Но самая известная тема книги Притчей, конечно, воспитание детей. Всем, даже не раскрывавшим Библии, известно, что царь Соломон велел их обязательно пороть розгами. Вроде как велел, но что именно он сказал? Чаще всего цитируют стих 12:25, в церковнославянском варианте: «Иже щадит жезл свой, ненавидит сына своего: любяй же наказует прилежно». Примерно так поступил и Синодальный перевод: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Да и мы постарались сказать примерно то же самое, только несколько более афористично: «Кому жалко розгу, не жалко сына, а кто любит сына, не забудет вразумить». Современный перевод 1993 года забывает про розги, но уточняет другие педагогические моменты: «Родители, искренне любящие своего ребенка, не воздерживаются от наказания его, любящие родители тут же наказывают его». То есть наказание должно следовать немедленно.

А что сказано в оригинале? Почти то и сказано... почти. Буквально: «...берегущий жезл свой, ненавидящий сына своего и любящий его стремление его наставление». Во-первых, никакого «детства», как в Синодальном, тут нет. Вообще вся книга Притчей – наставления отца сыну, только уже юноше или старшему подростку, ведь в ней говорится о выборе жены, об опасностях, которые подстерегают юношу у распутной женщины и т. д. Совсем не детские сюжеты.

Далее, насчет розог. В оригинале стоит слово *יָדָה* (*шевет*), которое в церковнославянском верно переведено как «жезл». Так может называться любая палка, но чаще всего мы встречаем его именно как жезл, символ власти и авторитета. Например, в псалмах: «Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (22:4); «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего» (44:7). Тут жезл – символ высшей власти Бога над верующим, его непререкаемого авторитета... и примерно таким же в идеале Библия видит авторитет отца по отношению к своим детям. Да, в те времена этот авторитет реализовывался в том числе и через телесные наказания, никто даже не спрашивал, допустимы ли они, – в том обществе их не ставили под сомнение, как и многое иное (многоженство, к примеру, или рабство). А библейский стих говорит, по сути, о том, что отец, пренебрегающий должным воспитанием и наставлением своего сына, на самом деле его просто не любит. А что отцовский жезл в таких случаях иной раз и по спине пройдет, так это само собой, это как те самые саночки, в которых всякий катался, тут и уточнять ничего не надо было древним.

Та же тема присутствует и в стихе 19:18, в буквальном переводе с оригинала: «... исправляй сына твоего, ибо есть надежда, и к умерщвлению его не стремись душой твоей». В общем, понятно, что делать (заниматься воспитанием) и чего не делать (стремиться к гибели). Но как одно связано с другим? Можно понять так, что пренебрежение воспитанием сына приведет его рано или поздно к гибели. А можно и попроще: усердствуя в воспитании при помощи жезла, смотри, не зашиби насмерть, как Иван Грозный. И что там насчет надежды? Видимо, заниматься воспитанием имеет смысл лишь до определенного возраста, пока еще есть надежда, а потом уже будет поздно. Именно так и поняли этот стих мы, причем постарались сохранить двусмысленность оригинала в отношении «не погуби». Наш перевод звучит так: «Вразумляй сына, пока не поздно, смотри не погуби его».

Но существует и иное прочтение насчет надежды: ты можешь на что-то надеяться в отношении своего сына только в том случае, если занимаешься его воспитанием. Современный перевод 1993 года разъясняет это со всевозможными подробностями: «Учи сына своего и нака-

зывай, если он неправ. Это единственная надежда. Если отказываешься делать это, помогаешь его разрушению».

На сей раз новые, неожиданные прочтения встретятся нам как раз в традиционных текстах. Церковнославянский: «Наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен: в досаждение же не вземлися душою твоею». С одной стороны, речь идет о воспитании благонадежного члена общества, но вот что значит «в досаждение не вземлися», понять труднее. Впрочем, на помощь приходит греческий текст, с которого и переводился церковнославянский, там мы читаем εἰς δὲ ὕβριν μὴ ἐλαίρου – здесь вводится важнейшее для греков понятие ὕβρις (*гюбрис* – непомерная гордость, надменность, превозношение, которые навлекают на человека гнев свыше). Дескать, воспитательные усилия не должны становиться поводом для собственной гордости – и современные психологи подробно прояснят, как это бывает, когда родители реализуют с помощью детей свои застарелые амбиции.

Почему же греческий текст здесь не совпадает с еврейским, с которого делались остальные переводы? Если говорить кратко, то тайна сия велика есть, они просто разнятся, и никто уже не может с уверенностью сказать, как выглядел самый первый текст книги Притчей и что точно говорил по этому поводу царь Соломон. Есть просто две текстуальные традиции, и переводчик неизбежно выбирает одну из них.

А самым оригинальным оказывается здесь Синодальный перевод: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». Откуда взяли переводчики этот самый крик? Видимо, из собственной педагогической практики, но не из еврейского, греческого или славянского, это точно.

Впрочем, проблемы с переводом возникают и там, где смысл оригинала предельно ясен. Вот, например, 25:2, в буквальном переложении: «...слава Бога скрывать дело, слава царей расследовать дело». Это яркий случай антиномического параллелизма, при котором два явления или понятия противопоставляются: Божья слава открывается в том, как таинственно и вместе с тем мудро устроено мироздание, а вот царская слава (как и слава самого Соломона) происходит от умения вывести тайное на свет. Да, но как сказать это кратко и емко?

Церковнославянский, следуя за греческим, просто потерял всякий параллелизм: «Слава Божия крыет слово, слава же царева почитает повеления его». Зато благочестиво: царь почитает повеления Божьи. Синодальный перевод верен еврейскому, но утрачивает динамизм оригинала и звучит несколько по-канцелярски: «Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело». Нам, полагаю, удалось найти более удачный вариант: «Славен Бог, тайное сокрывший; славен царь, тайное понявший».

И в заключение еще одна наша находка. В 20:10 оригинал говорит: «...камень и камень, ефа и ефа – отвращение Господа тоже оба они». Нет, это не знаменитая поговорка про то, как строился мавзолей Ленина («камень на камень, кирпич на кирпич»), тут говорится о двойных стандартах: у продавца есть гири (то есть камни) разного веса, и точно так же и две разных ефы (мера сыпучих тел в двадцать с небольшим литров). Одним стандартом, точным, он измеряет и взвешивает товар для себя, а другим, уменьшенным, для покупателя.

Но как перевести это, чтобы было ясно: не два камня сами по себе противны Господу, не две меры, а подход нечестного торговца, будь то взвешивание или продажа по объему (например, зерна)? Церковнославянский перевод потерял эту мысль: «Вес велик и мал, и мера сугуба, нечиста пред Господом обоя». Что же плохого в том, чтобы пользоваться большими и маленькими гирями одновременно? Иначе товар и не взвесить. Синодальный перевод не намного яснее, хотя уже можно догадаться: «Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом». Перевод для мусульман еще яснее: «Неверные весы и неверные гири – то и другое мерзко для Вечного». Но этот перевод начисто утратил второй вид обмана, когда занижают не вес товара, а его объем.

Современный перевод 1993 года всё разъясняет, но утрачивает при этом афористичность, а также и упоминание объема: «Господь ненавидит тех, кто обманывает других, пользуясь неверными весами». Нам, полагаю, удалось нарисовать портрет вороватого торговца, а вместе с тем сохранить эту игру слов, при которой повторяются слова в первой половине этого стиха: «Взвесил, да обвесил; отмерил, да обмерил – мерзость все это для Господа».

Впрочем, притчи – сравнительно легкий материал. Даже если исказишь поговорку в переводе, этого, как правило, никто не заметит. Но есть такие места, перевод которых влияет на понимание библейского богословия в целом, о которых ревностно спорят меж собой представители разных конфессий и школ. В особенности это касается Нового Завета.

10. Зло или злой?

Всем наверняка известно учение Льва Толстого о непротавлении злу – оно основано на цитате из Нагорной проповеди (от Матфея 5:38–42). В пересказе самого Толстого она звучит так: «В прежнем законе сказано, что кто погубит душу, должен отдать душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, вола за вола, раба за раба и еще многое другое. А я вам говорю: злом не борись со злом и не только не бери судом вола за вола, раба за раба, душу за душу, а вовсе не противься злу. Если кто хочет судом взять у тебя вола, дай ему другого; кто хочет высудить у тебя кафтан, отдай и рубаху; кто выбьет у тебя из одной скулы зуб, подставь ему другую скулу. Заставят тебя сработать, из себя одну работу, сработай две. Берут у тебя имяние – отдавай. Не отдают тебе деньги – не проси».

Это уже целая развернутая программа действий, в Синодальном переводе всё намного короче: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Прямо скажем, Толстой немало тут домыслил от себя... Но что все-таки было в оригинале?

Ключевое выражение тут «не противься злому» в Синодальной версии и «вовсе не противься злу» у Толстого. Смысл разный: одно дело злой человек как личность, а другое – зло как действие или даже как общая нравственная категория. Что в оригинале? Там форма дательного падежа (как и в русском): τῷ λονήρῳ. Проблема в том, что в дательном совпадают мужской и средний род греческих прилагательных. Если род мужской, то речь идет о человеке (злой), а если средний – то о явлении или понятии (зло). Можно понять и так и так.

Ближайший контекст, пожалуй, подсказывает, что речь идет все-таки о человеке, который бьет по щекам или отнимает одежду. Но стоит посмотреть и на глагол «противиться», по-гречески ἀντιστηναι – буквально это «противостоять», часто так говорят о войне или о суде (кстати, о суде говорится чуть выше, в стихах 25–26 той же главы: лучше бы ни с кем не судиться, а то не известно, выйдешь ли сам оправданным). Вот, собственно, откуда Толстой взял про суд.

В Новом Завете этот глагол встречается еще несколько раз, в основном в значении активного противодействия: «А Елима волхв ... противился им, стараясь отвратить проконсула от веры» (Деян. 13:8). То есть не просто возражал, но предпринимал контрмеры – и потерпел поражение. Интересную параллель можно найти в Рим. 13:2, где этот глагол использован целых три раза: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Что же, надо безропотно исполнять любые повеления властей? А если они расходятся с ясно выраженной в заповедях волей Божьей? Что же тогда христианские мученики отказывались принести жертву идолам по первому требованию законных властей? Но не противостоять еще не значит соглашаться. Мученики отказались выполнять требования своих правителей, но они не поднимали восстаний, не устраивали дворцовых переворотов. Иными словами, они не старались победить дракона, чтобы самому стать драконом. К сожалению, в истории церкви далеко не всегда выходило именно так, но мы еще вернемся к этой теме.

В Послании Иакова мы находим выражение с тем же самым глаголом, которое как будто противоречит евангельской заповеди: «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас» (4:7). Но сходство мнимое: да, диавол есть самое высшее проявление зла, так что злу противостоять можно и нужно, а вот бороться со злом методами зла, как указывал и Толстой, для христианина недопустимо.

Другое дело, что Толстой пошел намного дальше и в результате стал отрицать вообще всякую возможность самозащиты. Он умер на самой заре века революций и концлагерей и не успел увидеть, к чему приводит предложенная им тактика умиротворения агрессора... Но мы-то это знаем хорошо, так что сегодняшние переводы спорят с Толстым, стараются заведомо исключить его понимание. «Современный перевод» 1993 года: «Не сопротивляйтесь дурному человеку»; перевод Российского библейского общества: «Не мсти тому, кто причинил тебе зло». Только и это, конечно, суженное толкование, особенно во втором варианте. Только мстить нельзя? А превентивные удары наносить? А, скажем, восстанавливать конституционный порядок или насаждать демократию – эти действия мы ведь не называем мстью?

Вообще, бытовая, повседневная религиозность обычно бывает заиклена на зле во всех его проявлениях: нечистая сила, грехи и пороки занимают в ней главное место, а задача верующего понимается как противостояние вселенскому злу с помощью особых правил и ритуалов. Так это может выглядеть абсолютно во всех традициях, а евангельский взгляд предлагает радикальный отказ от всего этого. Не бороться со злом и не покоряться ему, а заняться чем-то более важным и осмысленным – выстраивать свои отношения с Богом, например. Даже если за это бьют.

Евангельские цитаты неудобны, они выглядят экстремистскими, по ним никак не хочется жить, а значит, надо их как-то разъяснить, перетолковать, желательно в переносном смысле. Один из самых плодovitых и известных экзегетов древности, Ориген, читая эти слова Нагорной проповеди, тоже никак не мог принять призыв подставлять при ударе по правой щеке левую. Он решил, что это надо понять иносказательно, ссылаясь на то, что бьют-то обычно правой рукой и, стало быть, по левой щеке. Другое популярное объяснение – что речь идет не просто об ударе, а об ударе символическом, внешней стороной ладони, потому он и приходится не по той щеке. Дескать, речь идет о ситуации, когда не просто бьют, а когда наносят оскорбление: надо его стерпеть и даже подставить «правильную» щеку.

В общем-то, понятно: когда дают по физиономии, хочется или сдачи дать, или убежать. А подставляться и дальше странно как-то даже с точки зрения естественного отбора. Ведь не может же Евангелие противоречить его принципам? Да вот похоже, что может... И слова «правая» и «левая» здесь не указывают на две конкретных стороны, а просто идут в привычном порядке: «день и ночь, небо и земля, муж и жена, право и лево» (а не «ночь и день, лево и право»).

Допустим даже про пощечину – это иносказательно. А как про рубашку, которую надо отдавать? Как про поприще, которое надо пройти? Как про просящего (к нам ведь постоянно обращаются с просьбами)? Евангелие реалистично – оно требует от человека невозможного. Давай каждому просящему всё, что попросит, – через пару недель останешься голым.

Пример еще одной такой парадоксальной фразы – «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24). Уж как только не объясняли это место! Еще от Кирилла Александрийского идет объяснение: вместо κάμηλος «верблюд» в тексте стояло κάσιλος – очень редкое слово, означающее «канат». Канат в качестве нитки – все-таки понятнее верблюда.

Ну и, разумеется, есть теория, что верблюд все-таки может протиснуться сквозь это самое ушко, если, конечно, очень постарается и сбросит лишний вес. Предполагалось, что «игольным ушком» называлась небольшая калитка в стене Иерусалима, через которую груженный верблюд действительно не пройдет, а тощий, да еще и налегке, может попытаться.

Только, к сожалению, не упомянута калитка с таким названием ни в каких древних источниках, а современные раскопки не могут нам подсказать, как называлось то или иное отверстие в стене, да большинство из них не сохранилось до наших дней. Так что получается, что теория с калиткой скорее поздняя выдумка, чем реальное объяснение. Кстати, и в вавилонском Тал-

муде говорится о пролезавшем в игольное ушко слоне как о примере невозможного (Брахот 55b). Будем доказывать, что и слоны сквозь ту калитку пролезали, только низенько-низенько?

Главное, что такие объяснения отбрасывают как ненужный следующий далее диалог: «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, воззрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно». То есть не спасется вообще никто – если своими усилиями. А Бог может спасти каждого.

Но это Евангелие, действительно экстремистская литература. В Посланиях мы встречаем куда более практичные и реалистичные советы, только и там не обходится без разнотолков. Вот, скажем, в 7-й главе 1-го послания к Коринфянам апостол Павел разбирает разные социальные роли, в которых может оказаться христианин. И в стихе 21-м речь заходит о рабстве. Прочитирую четыре перевода.

Церковнославянский: «Раб ли призван был еси? да не печалишия; но аще и можеша свободен быти, больше поработи себе».

Синодальный: «Работом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся».

Под редакцией епископа Кассиана (Безобразова): «Работом ли ты призван, – не беспокойся, но если и можешь сделаться свободным, лучше воспользуйся».

Под редакцией М. П. Кулакова: «Был ли ты работом, когда призвал тебя Бог? Пусть это тебя не тревожит. Если же представится возможность стать свободным, воспользуйся этим наилучшим образом», и другой вариант перевода дан в примечании: «лучше используй свое нынешнее положение».

Так что конкретно советует Павел рабам, которым выпала возможность освободиться: еще больше себя поработить ради смирения (так в церковнославянском) или воспользоваться этой замечательной возможностью (так у Кассиана)? А может быть, как в Синодальном, он предлагает им самим выбирать, как будет лучше?

По-гречески там два слова, *μᾶλ οὐ χρεῖσται*, их, к сожалению, можно перевести всеми тремя способами: «лучше воспользуйся», «лучшим воспользуйся» или даже «больше поработись». И никаких пояснений, прямо в духе Дельфийского оракула, где людям нарочно давали уклончивые указания.

А ведь это в каком-то смысле вопрос о социальной политике церкви: должен ли христианин стремиться к личной свободе или, напротив, она только помешает его духовному совершенствованию?

В древности об этой загадочной фразе практически не рассуждали, всем это и так казалось понятным. Игнатий Антиохийский писал, хоть и без ссылок на Павла: «... пусть рабы еще больше подчиняют самих себя, ради славы Господа, с тем, чтобы обрести от Бога лучшую свободу». В результате именно такое толкование многие современные православные богословы (например, диакон Андрей Кураев) отстаивают как единственно православное. «Молчи, смиряйся и тай...»

С этим легко согласиться в те времена, когда рабство было привычным социальным институтом, одной из пресловутых «традиционных ценностей». А вот в наши дни уже мало кто к этому готов, и потому множатся переводы, в которых апостол Павел призывает рабов освобождаться мирным и ненасильственным путем, если это возможно.

И похоже, что такой перевод имеет больше прав на существование, если исходить из оригинала. Дело, прежде всего, в союзе «но», который подразумевает контраст: «не смущайся, но, если можешь...» – тут логичнее добавить «освободись». Да и форма глагола подразумевает скорее однократное действие: воспользоваться возможностью освобождения можно только один раз, а вот «еще больше поработать себя» или «пользоваться нынешним положением к лучшему» явно придется изо дня в день, всю оставшуюся жизнь.

Что же тогда получается? Павел написал нечто не очень понятное, но, скорее всего, он советовал рабам не пренебрегать возможностью обрести свободу, если она представится (в любом случае, он не призывал к восстаниям наподобие спартаковского). В конце концов, до нас дошло его послание к Филимону, где он откровенно просит и даже требует от Филимона принять назад беглого раба Онисима, а потом... отослать его обратно к Павлу, потому что Павлу он нужен. То есть фактически простить беглеца и даровать ему на законных основаниях ту самую свободу, которую он хотел присвоить себе незаконно.

Но прошло некоторое время, церковь стала вписываться в социальную структуру общества, притом общества рабовладельческого, и для этой эпохи актуальным и значимым стало совсем иное толкование: оставайся тем, кто ты есть, даже если есть возможность подняться по социальной лестнице, все равно в глазах Бога все люди и так равны. Именно это толкование было нормативным вплоть до недавнего времени, в частности, Феофан Затворник, уже знакомый с альтернативой, сурово возражает ей: «...такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла; утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободы». Впрочем, не повелевает, а делает уступку (как в той же главе позволяет вступать в брак, хотя считает безбрачную жизнь лучшей).

А в наши дни актуальным становится иное толкование, открывающее перед человеком возможность личной свободы – и, вполне вероятно, именно оно приближает нас к изначальной мысли Павла, хоть и на ином витке спирали, в иных исторических условиях. Павел писал так, потому что рабство было данностью – мы читаем так, потому что считаем его преступлением против человечества.

Истолкование текста, как водится, говорит о толкователе не меньше, чем о самом тексте. Как и история переводов и толкования Библии в нашей стране говорит об этой стране не меньше, чем о Библии, и история эта еще очень, очень далека от своего завершения...

В последнее время я предпринял собственный проект по переводу новозаветных посланий на русский язык – я просто убедился, что нет такого русского перевода, который бы меня полностью удовлетворял.

Об этом – дальше.

11. Прислушиваясь к апостолу

Наверное, это нескромно – говорить о собственной работе, которая к тому же далека от завершения. Но здесь после разговора о разных переводах Библии на русский я хочу представить собственные опыты перевода Посланий (прежде всего Павловых), которые в настоящее время размещены на сайте bogoslov.ru (вы найдете их в меню «проекты»), хотя бы для того, чтобы приоткрыть секреты мастерства и показать, как именно делаются переводы и почему они делаются так.

Прежде всего, надо объяснить, почему я взялся переводить именно Послания, и прежде всего Павловы. Послания – двадцать одна из двадцати семи книг Нового Завета, из них четырнадцать так или иначе связаны с именем апостола Павла. Евангелия рассказывают нам об основах нашей веры, Деяния – о возникновении церкви, Откровение повествует о таинственном будущем, но, по сути, только Послания описывают нам подробно и на конкретных примерах, что такое церковь и как она живет.

Но при этом Послания у нас в основном остаются непрочитанными, в том числе и людьми искренне верующими и благочестивыми. Дело даже не в том, что традиционный Синодальный перевод содержит трудные слова и выражения, их при необходимости можно посмотреть в словаре. Он слишком буквально копирует греческий синтаксис оригинала, и в Посланиях такая калька оказывается порой непроходимой стеной для читателя. Емкий, энергичный, афористичный текст оригинала превращается во что-то тягучее и невнятное.

Есть и терминологические проблемы. Например, одно из ключевых для апостола Павла понятий (в особенности для Послания к Римлянам) $\delta\kappa\alpha\iota\omega\sigma\iota\varsigma$ переведено как «оправдание». Но в современном русском языке «оправдание» – это не очень убедительные объяснения школьника, опоздавшего на урок. Понять, что именно имел в виду Павел, непросто, об этом и по сей пору спорят богословы, но в любом случае это надо выразить как-то иначе.

Каждый из существующих переводов чем-то меня не устраивал и я решил сделать свой, по собственной инициативе. Будет ли он востребован, покажет время, но сейчас, полагаю, время для частных инициатив, которые, кстати, сыграли огромную роль при подготовке Синодального перевода – в царствование Николая I только так и могла осуществляться переводческая работа.

Замысел состоит в том, чтобы предложить современному русскому читателю перевод новозаветных Посланий (самой трудной части Нового Завета и в то же время очень актуальной для христианской жизни), который:

- следует традиции Синодального перевода, не копируя его недостатков;
- соответствует современному уровню науки (как библейской, так и переводоведческой);
- пригоден для использования православными читателями, но не ориентирован исключительно на них;
- понятен современному читателю без специального образования и при этом обходится без лишних упрощений, анахронизмов и вульгарности;
- по возможности передает динамизм и риторическую насыщенность оригинала, не копируя его синтаксическую структуру;
- по возможности сохраняет традиционную терминологию;
- способен стать основой для разного рода комментариев.

Сразу стоит заметить: мой перевод делается не для того, чтобы «заменить» Синодальный, церковнославянский или любой другой текст Библии. Основных задач две – помочь тем, кто интересуется текстом Посланий, и собрать отклики, которые помогут понять, куда двигаться дальше.

Обычно сам разговор о таком переводе порождает множество вопросов по принципу «или – или»: взять за основу традиционный византийский текст или критический, составленный учеными по древним рукописям уже в новое время? Переводить так, чтобы всем стало понятно, или так, чтобы передать все тонкости оригинала? Но в XXI веке, когда информация распространяется по сетям в электронном виде, а бумажные издания выходят в разных версиях, нет необходимости жесткого выбора «или – или». Перевод может существовать в разных вариантах, при этом, какой конкретно будет представлен читателю, зависит от его выбора: это могут быть программы, содержащие разные версии текста, и бумажные издания с такими же версиями.

Этот перевод предлагается выполнить в двух тесно связанных вариантах: традиционный (или филологический) и общедоступный (или миссионерский). Их объединяют общая ключевая терминология, общие экзегетические решения, стремление сделать текст литературным и понятным.

Отличия прежде всего – в степени доступности текста для неискушенного читателя. Традиционный перевод по возможности сохраняет формальные черты оригинала, оставляя необходимые пояснения для комментариев, а общедоступный проясняет больше в самом тексте перевода. Первый ориентирован скорее на человека с высшим гуманитарным, второй – на человека со средним или высшим техническим образованием.

Сначала я делаю перевод традиционный, причем в двух вариантах: один с самого распространенного в научных кругах критического текста (Nestle-Aland 28), другой – с византийского, близкого к текстуальной базе Синодального перевода и самого распространенного среди православных греков (Антониадис 1904–1912 годов с исправленными опечатками, но об этой версии мы говорить сейчас не будем). Его приоритеты: сохранение культурно-исторической дистанции без искусственной архаизации, сохранение традиционной терминологии, литературность без манерности и вычурности. А дальше этот перевод немного редактируется, чтобы сделать его более понятным для читателя, не владеющего серьезными знаниями о Библии и ее мире, – так возникает общедоступный вариант.

Ключевая проблема, с которой я борюсь в этих переводческих опытах, – невразумительность и вялость синтаксических калек с греческого оригинала. Чтобы яркий и сочный текст Павла зазвучал по-русски, надо не просто заменить греческие слова русскими, выстроив их в грамматически правильные конструкции, нужно найти синтаксические и даже риторические аналоги в русском языке, которые прозвучат понятно и в то же время энергично.

Теперь рассмотрим один конкретный пример в традиционном Синодальном переводе, в двух опубликованных новых Библиях (РБО и Заокской), а также в двух вариантах моего собственного перевода (традиционном и общедоступном, причем отличия общедоступного перевода от традиционного выделены подчеркиваниями). И так мы, собственно, и увидим, с какими проблемами сталкивается переводчик и как он их решает.

Итак, Колоссянам 2:20–23. Для тех, кто знаком с греческим, приведу **оригинал**:

Εἰ ἀπεθάνετε σὺν Χριστῷ ἀπὸ τῶν στοιχείων τοῦ κόσμου, τί ὥς ζῶντες ἐν κόσμῳ δογματίζεσθε; Μὴ ᾗψη μὴδὲ γεύσῃ μὴδὲ θίγῃς, ἃ ἐστὶν πάντα εἰς φθορὰν τῇ ἀποχρήσει, κατὰ τὰ ἐντάλματα καὶ διδασκαλίας τῶν ἀνθρώπων, ἅτινά ἐστιν λόγον μὲν ἔχοντα σοφίας ἐν ἐθελοθρησκίᾳ καὶ ταπεινοφροσύνῃ ἀφειδίᾳ σώματος, οὐκ ἐν τιμῇ τινὶ πρὸς πλησμονὴν τῆς σαρκός.

Синодальный перевод дает нам, по сути, кальку этого выражения и тут начинается много непонятного: Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся», что все истлевает от употребления, по заповедям и учению человеческого? Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти.

«Стихии этого мира» – точный перевод слов оригинала τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου, но мы скорее назовем так воду, огонь, воздух и нечто подобное. И что это «истлевают от употребления»? А ведь в общем и целом смысл оригинала здесь понятен: правила Моисеева закона касаются материальных вещей, которые уничтожаются в процессе использования, будь то пища или одежда. Они, разумеется, противопоставляются вечному. И как же описать то, что с ними происходит?

Большая проблема в этом отрывке – слово ταπεινοφροσύνη, которое традиционно переводится как «смиренномудрие». В современном христианском словаре это слово обозначает безусловную добродетель, но в данном контексте это явно не так. В результате Синодальный ставит в один ряд совершенно разные понятия. И что, собственно, «имеет вид мудрости», остается неясным.

Наконец, здесь есть настоящая экзегетическая проблема. Что означает стоящее в самом конце выражение οὐκ ἐν τιμῇ τινὶ πρὸς πλησμονὴν τῆς σαρκός? Одни толкователи (как в Синодальном) видят здесь пренебрежение к телесным потребностям, другие (мы увидим их мнение ниже, в переводе РБО), напротив, некую пресыщенность и разнузданность. Но в любом случае речь тут идет о телесной стороне жизни: эти люди не заботятся о духовном, а лишь о пище и тому подобных вещах. Ударяются ли они в разгул или в строгую аскезу, уже вторичный вопрос, важно, что для них еда и питье оказываются важнее всего остального.

Собственно, речь здесь идет о том, что смерть Христа освободила христиан от привязанности к ритуальным правилам Ветхого Завета, которые касаются вещей временных и исчезающих. Им надо заботиться о вечном, а не о том, что именно есть или пить. Но едва ли кто, прочитав Синодальный перевод, придет к такому выводу.

Заокский перевод разъясняет многие из этих вопросов, давая дополнительную информацию курсивом:

Если *в самом деле* умерли вы со Христом и *отрешились* от архаичных представлений этого мира, зачем, как живущие жизнью Его, следуете вы установлениям: «не прикасайся, не ешь, не трогай!», *имея дело со всем тем, что и предназначено к уничтожению при использовании*? Человеческие это заповеди и учения *человеческие*. Все это только кажется мудрым, *а в жизни* надуманная набожность, самоистязания [и] изнурение тела не ведут к обузданию чувственности.

Конечно, «архаичные представления уже ближе к смыслу оригинала, но все же звучит довольно непонятно. И что плохого в том, чтобы иметь дело с вещами, уничтожающимися при употреблении, и как это связано с архаичными представлениями? Вот что касается «смиренномудрия», оно в этом тексте стало «надуманной набожностью», и это, пожалуй, хорошее решение.

Перевод РБО разъясняет это несколько иначе:

И если вы умерли вместе с Христом и теперь свободны от стихий мира, зачем же вы позволяете им устанавливать для вас всякие предписания, словно вы всё еще живете в этом мире? «Не прикасайся!» «Не ешь!» «Не трогай!» Да все эти запретные вещи для того и существуют, чтобы быть уничтоженными при употреблении! Все это – человеческие заповеди и учения! Такие предписания, с их самодеятельным благочестием, смирением и умерщвлением плоти конечно же создают видимость какой-то мудрости, но грош им цена. Они ведут лишь к потворству плоти!

Здесь сохраняются «стихии мира» (что необычно для перевода РБО, который обычно отказывается от традиционной терминологии). Но как это стихии мира могут устанавливать предписания? Вообще-то их установил Моисеев закон, а не стихии. Далее, «запретные вещи для того и существуют, чтобы быть уничтоженными при употреблении», но ведь запретные вещи существуют как раз для того, чтобы их уничтожали, не употребляя (вспомним судьбу санкционной продукции)!

Что касается «смирennemудрия», оно стало тут просто «смирением», но все равно не понятно, почему вдруг это понятие стало резко отрицательным.

Теперь приведу два своих варианта.

Традиционный:

Если вы умерли вместе со Христом и избавились от стихий этого мира, что же вам теперь следовать правилам тех, кто живет по-мирскому? «Не касайся, не пробуй, не трогай!» Всё это человеческие установления и учения про то, что потребляется и исчезает; мудреные слова о добровольном служении, смирennemудрии и телесном воздержании – только всё это ни к чему, плотская это пресыщенность.

Общедоступный, где разъяснено еще больше (отличия от традиционного выделены подчеркиваниями):

Вы умерли вместе со Христом и больше неподвластны элементарным и материальным правилам этого мира, так что же вам теперь следовать указаниям тех, кто живет по ним? «Не касайся, не пробуй, не трогай!» Всё это человеческие установления и учения, они касаются вещей, которые уничтожаются при употреблении. Мудреные слова о добровольном служении, показное смирение и телесное воздержание – всё это ни к чему, это жизнь исключительно по законам плоти.

Традиционный сохраняет и «стихии», и «смирennemудрие», но, поскольку выше упомянуты «мудреные слова», читатель может понять, что здесь это слово употребляется иронично. **Общедоступный** расшифровывает всё полностью. Что касается последней фразы, то здесь тоже сказано по-разному: «плотская это пресыщенность» (более буквально) или «жизнь исключительно по законам плоти» (более понятно). Такой выбор, как можно надеяться, сохраняет двусмысленность экзегетически сложного места: идет ли речь о распущенности или, напротив, о крайностях излишней аскезы, это все равно касается лишь плотской стороны жизни.

Можно привести и другие примеры, но многое, надеюсь, уже понятно. По сути, русский читатель только начинает знакомиться с Посланиями, и можно быть уверенными, что переводческий процесс не закончился – нам явно не хватает переводов хороших и разных, по слову поэта.

А вот что начинается, когда мы прочитали библейский текст и как нам дальше с этим жить, об этом мы поговорим во второй части книги.

В поисках главного

Когда человек принимает Христа и приходит в церковь, его окружает множество самых разнообразных людей, вещей, событий и текстов. Неофит старательно попробует перенять и применить к себе все из них... ну ладно, не все, а какие попадутся на глаза. И очень скоро обнаружит, что они зачастую не совпадают друг с другом, а то и прямо друг другу противоречат. Как их сочетать или как выбрать самое главное и нужное?

Однажды он обязательно обнаружит, что старательно копирует внешние формы, не понимая, зачем они, собственно, нужны и как связаны с самой сутью христианской веры. И годятся ли рецепты, составленные много веков назад, для нашего мира, который так сильно изменился? А если не вполне годятся, что с этим делать дальше? Я знаю, как это сложно, это ведь и моя история.

Такие вопросы обычно забалтываются благочестивыми фразами, настолько же правильными, насколько и общими, а потому бессодержательными. Уже в книге Иова показано, что этот метод не работает ни с людьми, ни с Богом.

Надо долго и осторожно разбираться с главным, выстраивать дорогу от сверхценностей к стратегиям и от них к тактическим решениям, что мы, собственно, и попробуем сделать здесь. Окончательных ответов не ждите, все это скорее приглашение к дискуссии. И еще попытка поделиться собственным опытом, с чего мы и начнем.

12. Глас хлада тонка

Когда меня спрашивают о моей профессии, я отвечаю: «филолог», иногда добавляю «библеист». А когда меня представляют другим как библеиста, приходится напоминать: я еще и просто человек, муж, отец, гражданин России... наконец, христианин. А что же это значит: изучать и переводить Библию профессионально, получать за это деньги и ученые степени, и в то же время обращаться к ней как к Слову Божьему вместе со всеми остальными христианами? Я попробую рассказать о своем опыте.

К вере я пришел в семнадцать лет, студентом-первокурсником. Только что Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, но перестройка еще не началась, «за религию» могли выгнать из университета: не то чтобы строго следили, но если попадешься комсомольскому патрулю около церкви в пасхальную ночь, будут серьезные неприятности. Но люди все же приходили в храмы и на молитвенные собрания, читали книги, переданные из рук в руки в метро, официально ведь их было не достать... Одна Библия была в университетской библиотеке, на дом ее вообще не выдавали, а в читальном зале можно было ей пользоваться только тем студентам, которые оформляли особый допуск: они писали курсовые и дипломные работы по истории или литературе Средних веков, им требовалось «работать с источниками».

Было в нашем интересе что-то от моды и от фрондерства, но тогда мы обращались к христианству прежде всего в поисках смысла. Было понятно, что человек тем и отличается от животных, что важны ему не только физиологические потребности: еда, питье, отдых, размножение, – жить надо ради чего-то большего. Но ради чего? В строительство коммунизма не верил уже никто, включая самих коммунистических агитаторов. Кто-то шел в науку, кто-то в искусство, самые смелые – в правозащитное движение. Но все эти вещи, прекрасные сами по себе, не давали ответа на главные вопросы: зачем мы живем? что будет с нами после смерти? Об этом говорили только религии, и говорили по-разному.

Не скажу, чтобы мой поиск был очень долгим: чуть-чуть познакомился я с буддизмом, а точнее, с той эзотерической кашей на его основе, которая была в те годы популярна, но основной мой интерес был направлен на веру предков – христианство, прежде всего православное. Но я очень четко понимал, что ищу не конфессию, не обряд, не национальную традицию, а Истину. И помню момент, когда понял, что нашел.

Мы разговаривали с моим школьным другом, уже верующим, у него дома, и он говорил мне о вере, и я вдруг ощутил, что в комнате, кроме нас двоих, незримо, но явственно присутствовал кто-то третий. И с тех пор я так и понимаю суть христианства: это встреча людей со Христом и друг с другом ради Христа и в Его незримом присутствии. Будда или Сократ тоже говорили мудро и прекрасно, но они не шли за меня на смерть, они не предлагали мне помощь здесь и сейчас. Все это открывал мне только Христос.

Новый Завет я начал читать в Синодальном переводе (дома нашлось еще дореволюционное издание, купленное родителями за трояк у кого-то с рук), и хотя Евангелия были понятны, но на Посланиях я совершенно увял. Когда через пару лет одна французенка подарила нам с женой полную Брюссельскую Библию на папиросной бумаге (она и сейчас стоит у меня на книжной полке, сильно потрепанная), я взялся и за Ветхий Завет... но мало что в нем осилил.

Кстати, в 1988 году, когда я служил в Советской армии, старшина обнаружил и конфисковал у меня карманный Новый Завет, грозился страшными карами. А замполит полка книгу вернул, добродушно сказав: «Теперь можно». Старшина был в шоке! Это был год тысячелетия Крещения Руси – верить разрешили.

Понять эти сложные тексты мне помогли книги священника Александра Меня. Он писал о Библии и ее героях достаточно просто и в то же время подробно, а главное, он представлял персонажей библейских историй как живых людей, показывал их отношения с Богом и

друг другом, и становилось ясно: это не просто «дела давно минувших дней», а нечто живое и настоящее, и оно помогает тебе найти свой путь в этом мире.

А еще мне помогала понять эту Книгу учеба в университете: мы изучали древние языки и античную литературу. Она далеко не во всем была похожа на Библию, но нас учили видеть за текстом совершенно другой мир древности, населенный точно такими же людьми, как и мы. Они совсем иначе одевались и вели себя, мыслили иными категориями, по-другому выражали свои мысли, но они испытывали те же самые чувства и потребности.

Древний текст позволял прикоснуться к этому миру, понять этих людей, но только надо было не торопиться, не переносить на них своих стереотипов и учитывать разницу в культуре и мировосприятии. Это касалось и Гомера, и Вергилия, и библейских авторов, которых мы почти не читали; замечательное исключение – спецкурс А. Ч. Козаржевского по Новому Завету, который в целях конспирации назывался западно-ионийским койнэ.

Я закончил университет в 1992 году, но заниматься библеистикой я совершенно не соби-
рался. Меня привлекал мир византийской поэзии, которая отчасти сохранилась в современном православном богослужении, а отчасти была незаслуженно забыта. Но вышло так, что я «выиграл в лотерею по трамвайному билету»: оказался в нужное время в нужном месте и получил приглашение поехать в Амстердам учиться библейскому переводу. Если хотите, можно считать это случайностью. Приглашение я принял.

Это были курсы, организованные специально для людей из бывшего СССР. Это было ярко, интересно и востребованно... и с тех пор я больше всего занимался именно переводом Библии в качестве переводчика, редактора, консультанта, методиста и преподавателя.

Но как же сочетается обращение к Библии как к Слову Божьему с сухим научным анализом этого текста? Для многих это большая проблема. Одним кажется, что верующий христианин обязательно должен принимать каждое выражение Библии в буквальном и прямом смысле. Другие, напротив, находят в библейском тексте множество несогласованностей, позднейших исправлений, и на этом основании начинают редактировать содержание текста.

Эти споры бывают нескончаемыми и беспощадными, но для меня, как ни странно, они никогда не были особенно значимыми. Может быть, здесь помогла университетская выучка: я не ждал от текста больше того, что он может дать, и прекрасно понимал, что любой текст отражает реальность не напрямую. Мы говорим: «солнце встало» и «солнце село», хотя прекрасно знаем: это не Солнце движется по небу, а Земля вращается. Придавать таким внешним чертам текста статус непреложной истины просто неразумно.

С другой стороны, меня не смущают и данные науки, например, свидетельства о расхождении между разными рукописями, порой весьма значительных. Четыре евангелиста не обо всем одинаково рассказали, потому что жизненный опыт каждого человека уникален и неповторим, и его личная встреча со Христом тоже окажется особенной, не такой, как у прочих. Не случайно первые христиане сохранили и приняли как Писание именно четыре Евангелия в их полноте и разнообразии. И точно так же множество рукописей, доносящих до нас слова оригинала, составляют Библию, но никакая рукопись по отдельности Библии не равна. Сами по себе они не приближают к Богу, и их изучение не приближает. Текст Библии – пространство для Встречи, но еще не сама она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.